Луций Анней Корнут

Греческое богословие

Издательство «Формика»
Санкт-Петербург
1999

еревод с древнегреческого, предисловие – М.М. Позднев

Редактор – Е.Ю. Сатаева

Художественный редактор – Е.В. Федотова

й Анней Корнут – философ-стоик, учитель Персия и Лукана.
х пор в России не издавался. "Греческое богословие" – трактат
роде богов – является единственным произведением Корнута,
дшим до нас полностью. Перевод выполнен специально для
ящего издания.

тельство выражает благодарность профессору А.И. Зайцеву
оценимую помощь в создании этой книги.

5-7754-0008-9

Заметки к трактату Корнута о природе богов

У нас слишком мало биографических сведений о Луции Аннее Корнуте, чтобы составить определенное представление о его жизненном и творческом пути. Даже те немногие сообщения о Корнуте, которые до нас донесла традиция, ученые не хотели принимать на веру. Долгое время спорили о самом имени философа. В заголовке нескольких рукописей вместо "Корнут" мы читаем "Форнут", причем некоторые ученые настойчиво высказывались в пользу последнего, пока К. Ланг не показал убедительно, что чтение Φορνούτου возникло в результате неправильного понимания поставленного на полях мнемонического значка ⊕. Валерий Проб, автор "Жизнеописания Персия", сообщает, что Корнут был уже пожилым человеком за 12 лет до того, как стал наставником Персия, следовательно, он должен был родиться не позднее начала тысячелетия. У нас есть сообщение Свиды о месте его рождения. Автор "Греческого богословия" был родом из африканского города Лепты, бывшей финикийской колонии, лежавшей к востоку от нынешнего Триполи. Как настоящий провинциал, Корнут определенно гордится своей принадлежностью к Риму. Часто, когда он пишет "нам", это означает "нам, римлянам". Далее, опять-таки преимущественно из персиевой традиции, известно, что Корнут сделался в Риме центром кружка, членами которого помимо молодых поэтов Персия, Лукана, Цезия Басса были многие известные люди того времени: врачи, философы и политики. Проб со-

общает также о том, что Корнут был автором трагедий, но текст "Жизнеописания" в этом месте так сильно испорчен, что сообщению доверять нельзя. Достоверным является то, что он писал философские сочинения по-гречески, а также комментировал латинских поэтов.

***

Любого автора, жившего в правление Нерона, принято рассматривать в первую очередь с точки зрения его отношения к власти. Традиция, так "беспристрастно" и красноречиво повествующая об ужасах нероновского времени и попытках отстоять право на собственное мнение, часто приводивших к трагическому концу, не могла не приобщить многих совершенно аполитичных литераторов к лику борцов за свободу. Но для стоика, наставника Лукана, приятеля знаменитого вольнодумца Тразеи Пета, ореол мученика становится совершенно обязательным.

Дион Кассий свидетельствует: "Нерон собирался помимо прочего изложить в эпической поэме все деяния римлян. Для того, чтобы решить, из скольких книг должно состоять сочинение, он пригласил к себе, в частности, Аннея Корнута, тогдашнюю педагогическую знаменитость. Результатом консультации стало то, что Корнут, едва избежав казни, был сослан на какой-то остров: когда Нерону стали говорить, что необходимо четыреста книг, Корнут заявил, что четыреста слишком много и никто этого не сможет прочесть. "Но Хрисипп, которого ты так хвалишь и которому стремишься подражать, сочинил больше", – возразил кто-то. "Да ведь это книги, для людей полезные!" – ответил Корнут. Так он и сделался изгнанником." Известие Диона подтверждено хроникой Иеронима-Евсевия, позволяющей датировать изгнание Корнута 67-ым годом н. э. Но стоит ли все же вписывать Корнута в ряды знаменитой оппозиции, видеть в нем философа, смеющегося над тираном? Корнут не пострадал во время расправы над участниками заговора Пизона 65-го года, как большинство людей его круга; был дружен с Силием Италиком, прошедшим при Нероне весь ряд

почетных должностей[1]; ученик и близкий друг философа, Персий сознательно избегает нападок на власть и обнаруживает безразличие к государственной жизни вообще. Бездоказательны попытки Гленна Моста спасти тираноборческий образ Корнута сравнением его с Луканом и Сенекой, умевшими за открытой лестью Нерону скрыть серьезную критику его политики. В трактате о богах, сочинении школьном и, следовательно, консервативном, нигде не обнаруживается такая тенденция. Наоборот, говоря об Аполлоне-кифареде как о хранителе миропорядка, Корнут льстит самолюбию Нерона, который отождествлял себя с этим богом.

Как расценивать неосторожное высказывание, ставшее для Корнута концом карьеры? Нам представляется, что Корнут сначала действительно хотел дать Нерону хороший совет – не писать слишком пространно. Кризис наступил тогда, когда какой-то придворный подхалим сравнил Нерона с Хрисиппом – этим богом стоиков. Тут философ вспылил, но не желая обидеть хозяина: в том, что философские сочинения имеют преимущественное право на пространное изложение, Нерон мог быть убежден, так же как и мы, читавшие замечания Канта по этому поводу. Стоики же ругают поэзию именно за то, что она по своей сути не призвана приносить пользу. Корнут, таким образом, не мог принести в жертву лояльности свой многолетний опыт критика[2]. О том, как может быть воспринято вырвавшееся у него замечание, старый учитель подумать не успел.

***

Главной задачей, которую ставит перед собой автор “Гре-

[1] Италик был единственным из известных нам адресатов Корнута. Посылая ему свои комментарии к Вергилию, Корнут высокопарно – едва ли Персий или Лукан удостоились бы подобного обращения – называет его “о поэт!..”

[2] Заметим, что именно для такого рода консультации он и понадобился Нерону.

ческого богословия", было дать юноше начатки философского образования на примере известных каждому римлянину с детства мифов. О возрасте учеников Корнута мы можем судить по стихам Персия, посвятившего учителю одну из своих лучших сатир[3]:

Только лишь пурпур хранить меня, робкого юношу, бросил,
И подпоясанный лар моею украсился буллой,
Только лишь дядьки мои снисходительны стали, и в тоге,
Белой уже, я глазеть безнаказанно мог на Субурру,
Только лишь путь предо мной раздвоился и, жизни не зная,
В робком сомнении я стоял на ветвистом распутье, –
Я подчинился тебе. И ты на Сократово лоно
Юношу принял, Корнут. Ты сумел незаметно и ловко,
Как по линейке, мои извращенные выправить нравы;
Разумом дух покорен и старается быть побежденным,
И под рукою твоей принимает законченный образ.
(пер. Ф. Петровского)

Совершеннолетие наступало в Риме в 16 лет, и, видимо, тогда же можно было пригласить философа для продолжения образования. Рассказы поэтов о богах, бывшие сперва букварем, затем пособием по стилистике, а после – материалом для ораторских упражнений, теперь должны были предстать в новом свете – как иллюстрация основ философии. Трактат Корнута является для нас почти единственной иллюстрацией этого этапа римского образования. Но был ли он адекватен предыдущим этапам по обязательности усваиваемых правил? Мы знаем двух "первых" учеников Корнута – Персия и Лукана. Уже сам объем "Фарсалии" Лукана провоцирует нас на поиски ассоциаций с Корнутом, тем более, что Лукан погиб, будучи всего двадцати шести лет от роду и недавно завершив свое философское образование. Однако в тексте

[3] В том порядке, который сатиры Персия получили после редакции Корнута и Цезия Басса, издавших сатиры Персия посмертно, это – пятая сатира.

“Фарсалии” мы встречаем самые вопиющие противоречия тому учению, которое с таким тщанием и деликатностью, судя по Персию, втолковывал юным римлянам Корнут. Не останавливаясь на массе подробностей[4], отметим лишь, что в 9-ой песне Лукан прямо заявляет о лживости всех древних мифов, скрывающих от нас истинные причины устройства природы. Это можно было бы назвать открытым бунтом против принципов, проповедуемых Корнутом, согласно которым “древние не только не были простецами, но оказались способными познавать естество мироздания и притом весьма склонными излагать свои мысли о нем, используя иносказания и символы”.

В чем причина такого отношения к уважаемому наставнику? Возможно, в том, что Луций Анней Корнут (или его недальние предки), как явствует из имени, был вольноотпущенником Аннеев, богатого и влиятельного рода, к которому принадлежали Лукан и Сенека, и не мог уже по своему социальному положению претендовать на роль властителя дум аристократической молодежи? Но Персий настаивает на исключительном значении Корнута как воспитателя нравственности. Он один мог привить правильный взгляд на жизнь, он “засеивал прочищенные уши плодом Клеанфа”. Корнут имел огромное влияние на всех своих учеников. Но какого рода было это влияние? Мы с удивлением находим в стихах Персия пренебрежительное отношение к древним мифам, излагаемым в трагедии и эпосе:

Что это ты? И к чему из могучих ты тащишь творений
Столько кусков, что тебе действительно надо сто глоток?
Пусть с Геликона туман собирают для выспренной речи
Те, у которых горшок Фиеста или же Прокны

[4] Объяснение Луканом эпитета “Тритонида” в 5-ой песне поэмы о гражданской войне абсолютно отлично от того, которое дает Корнут; утверждение, что Дельфы находятся посреди мира, противоречит параллельным трактовкам Корнута и т. д.

Будет кипеть на обед у дурня Гликона...
Мысли отсюда бери, а трапезы с главой и ногами
Все в Микенах оставь и снедь лишь плебейскую ведай.
(пер. Ф.Петровского)

И эти слова произносит у Персия сам Корнут! Эта парадоксальная ситуация, возможно, имеет несколько объяснений. Во-первых, Корнут приводил аллегорические толкования в качестве одной из возможных трактовок традиционной религии (и за это говорит уже само название произведения, полностью звучащее как "Обзор передаваемого о греческом богословии"). Параллельно существовал и другой взгляд на философскую аллегорию мифов и культов, который, помимо Лукана, высказывает Сенека. В 88-ом письме к Луциллию он категорически утверждает, что попытки найти в Гомере какую-то философию обречены на неудачу уже потому, что одни и те же стихи Гомера используются в качестве доказательств разными философскими школами. Заметим, что заканчивая изложение апологией своего метода, Корнут весьма осторожен. Он говорит именно о возможности, а не о необходимости такого подхода. А советуя Персию писать в жанре сатиры, Корнут настаивает на исключении из нее мифологического материала, достаточно обработанного другими поэтами, потому что здесь эстетический взгляд на мифы как на предмет поэзии оказывается не менее весомым, чем философский.

Во-вторых (и это, пожалуй, самое главное), цель Корнута-учителя состояла в изложении всех аспектов традиционного стоицизма в конспективной форме. Аллегорический разбор греческой религии становился только частью, и далеко не самой важной, этого изложения. Гораздо существеннее была, например, логика, а еще важнее – этика. Как сообщают Симплиций и Порфирий, Корнут сочинил также трактат, в котором давалась критика аристотелевских "Категорий", очевидно, с позиций стоической логики. Мы предполагаем, что и этот трактат носил компилятивный и школьный характер. Сатира Персия, в которой речь идет о Корнуте, целиком посвящена этическим проблемам. Не исключено, что Корнут

писал и о них[5]. Как ортодоксальный стоик, для которого – как впоследствии для Эпиктета – главное достоинство учения заключалось, безусловно, в этике – истинной вершине стоицизма, Корнут чувствовал себя обязанным изложить все детали Стои, среди которых был и аллегорический подход к религии. И хотя недобросовестная традиция сохранила для нас одно только сочинение по стоической аллегорезе, мы вполне можем заключить, что как раз эта сторона доктрины вызывала больше всего возражений и даже насмешек, и самому Корнуту могла представляться не лишенной противоречий и уязвимой для критики.

***

Источниками Корнута были в основном авторы так называемой средней Стои (Хрисипп и в не меньшей степени Посидоний); более ранние возможные источники – книга Зенона "Пять гомеровских вопросов", называемая в числе прочих Диогеном Лаэртским и цитируемая Августином, его же "О греческом воспитании", а также книга Клеанфа "О богах"; тезис о том, что Корнут опирался на известный мифологический трактат Аполлодора, не находит убедительных подтверждений. Все они дошли во фрагментах и мало изучены. В этих сочинениях даются основания стоической аллегорезы и разбирается греческая религия с точки зрения представлений стоиков о космосе. Сущность стоической аллегорезы, согласно которой имена богов, их функции и предания о них есть на самом деле не что иное, как объяснение природных явлений, заключается в разрешении вопроса, не перестающего и поныне смущать ученых: является ли история цивилизации примером регресса, в результате которого мы постепенно теряем знания о мире, имевшиеся у наших отдаленных предков, или наоборот, эти знания постоянно наращиваются, способствуя формированию более верного взгляда на окружающее. Стоицизм отвечал на этот вопрос следующим образом: наши предки знали о мире не меньше нас, но у них не было научного аппарата, дающего

[5] Согласно словарю Свиды, Корнут написал "много книг по философии".

возможность ясно выразить свои мысли о сущем. Люди были вынуждены как бы зашифровывать знания, давая тем или иным явлениям природы имена, известные нам как имена богов, и служа этим богам особенным символическим образом, отражающим эти знания. Свидетельства преданий о богах как о законах мироздания дают нам древние поэты. Недостатки этой теории были замечены уже в античности. Так, в первой книге трактата "О природе богов" Цицерона Веллей осуждает учение, согласно которому "даже древнейшие поэты, сами того не подозревая, оказываются стоиками". Примерно в таком же духе возражают стоикам современные исследователи. Однако следует иметь в виду, что ответ на такое возражение у теоретиков стоицизма имелся. Логос, разум, распространенный в мире, благодаря деятельности которого и возможно все существующее, незримо присутствует и присутствовал в каждом человеке и направлял его деятельность, пусть даже помимо его воли. Конечно, великие поэты прошлого также были причастны логосу и поэтому они даже бессознательно могли отражать в своих произведениях сущность мироздания[6]. Добавим: именно неосознанность того, что их представления о мире на самом деле верны, могла, думалось стоикам, облечь знания древних в аллегорическую форму. Древним казалось, что то, как они называют богов, как они служат богам, верно, – и мы, философы Портика, только теперь понимаем, что это действительно верно, по причинам, известным нам, но неизвестным им. О том, что некоторые осознанные представления о богах были у древних неверны, читаем уже в самом начале сочинения Корнута. Он, конечно, не сочувствует мыслям о непрестанном "сохранительном" беге богов, которые приписываются в "Греческом богословии" отдаленным предкам. Но в этих мыслях ясно прослеживается отражение истинного, по мнению Корнута, положения дел: все изменения мироздания происходят от непрестанного сгущения и разрежения исходной субстанции космоса, тождественной божественному логосу. Таким образом,

[6] Не секрет, что о доле бессознательного в процессе творчества спорят и поныне.

в этом смысле философская концепция аллегорезы выглядит цельной[7].

***

Совершенно ясно, что главным недостатком Корнута в глазах ученых нового времени является нелепость большинства приводимых им этимологий. При этом забывают, правда, что еще не так давно историческая лингвистика была в состоянии, не многим отличающемся от уровня Корнута. Нам возразят, что античность знала великих этимологов. Например, сочинение Марка Теренция Варрона "О латинском языке" обнаруживает глубокий и остроумный подход к этим вопросам. Но пусть именно сравнение с Варроном поможет нам проследить, чем руководствовался Корнут, приводя свои этимологические объяснения и, может быть, несколько оправдает его перед лицом современной филологической науки. У Варрона встречается этимологизация имени Diespiter – "бог, который рождаемое выводит к свету дня". Вторую часть имени бога Diespiter, тождественного Юпитеру, даже человеку не знакомому близко с латинским языком естественно сопоставить со словом pater – "отец", тогда как первая часть равна слову dies – "день".

---

[7] Можно, видимо, снять вопрос о том, почему иллюстрация функционирования логоса опирается у Корнута и его источников на пример древнего человечества. Макс Поленц, самый авторитетный специалист по стоицизму, видел причину обращения стоиков к древнейшим источникам в том, что логос, согласно стоической доктрине истории цивилизации, присутствовал в наиболее чистом виде в первобытные времена. Но тогда придется предположить, что религиозный обряд или сочинение эпоса – более совершенный путь к истине, чем создание философской теории. Нам представляется, однако, что для стоиков самый наглядный пример действенности логоса состоял в том, что даже древние с их неразвитым умом могли мыслить о богах верно. Однако миф в процессе развития цивилизации исчерпывает себя как действенный и живой способ познания, и потому обработки мифов перестают иметь какую-либо ценность. Не в этом ли еще одна причина пренебрежительного отношения к мифам у Персия?

То, что Diespiter – это “Отец день”, было для Варрона совершенно очевидно. И все же он предпочел этому прозрачному объяснению крайне проблематичное и неожиданное сопоставление второй части композита со словом partum – “рождаемое”. В чем причина такого странного толкования? Старания римских теософов понять имена своих богов неминуемо наталкивались на необходимость совместить приходящие на ум объяснения с известными греческими интерпретациями. Ведь признавалось тождество Сатурна и Крона, Дита и Плутона, Гестии и Весты и т. д. Таким образом, и их имена должны были отражать одно и то же. В латинском имени верховного божества должна была открываться та же сущность, что и в греческом. Объяснение Варрона совмещает этимологическую интерпретацию с теологической экзегезой, причем последняя является целью первой. Следовательно, истоки этой интерпретации мы должны искать во взглядах греческих философов на сущность божества. И здесь нам помогает Корнут: “Подобно человеческой душе, управляющей нами, есть душа и у миропорядка-космоса, связывающая и удерживающая его. Имя душе этой – Зевс, и прежде всего это связь и начало всего, источник жизни для живущих.” Эта, как и другие этимологии Корнута, не оригинальна. Источником является этимологизация имени Зевса у Хрисиппа, в целом вполне традиционная и встречаемая уже в платоновском “Кратиле”. Нетрудно заметить, что именно такие представления соответствуют этимологизации Варрона, которая, следовательно, должна была казаться его современникам весьма изящной. Для Корнута, занятия которого грамматикой оставили след в комментариях к латинским поэтам, многие этимологии, также как и для Варрона, выглядели, возможно, спорными. Но убеждение в правильности выбранной позиции – в имени божества должна так или иначе открываться его универсальная сущность – заставляет стоика прибегать к заведомо произвольным толкованиям.

Это, думаем мы, и объясняет существенные расхождения между корнутовскими этимологическими попытками и принципами анализа, предполагаемыми стоической теорией языка,

которая представлена, главным образом, в текстах Оригена и Августина. Язык, учили стоики, был создан на основе небольшого количества первичных элементов, в которых наличествовала непосредственная связь между фонетическим материалом и значением. Согласно Филону, такие связанные элементы были предложены древними мудрецами. Данная концепция предполагает в качестве первого принципа изучения языка поиск первоначальных элементов для каждого слова, вычленение и разбор этих составляющих. Однако Корнут почти не дает нам примеров такого пути исследования. Вместо этого он руководствуется двумя основными взаимосвязанными подходами. Первый – дать как можно больше различных трактовок, исходя из современного состояния греческого языка[8], и второй – исследуя функции божества как части космоса, произвольно объединить предложенные варианты друг с другом. Особенно наглядно все это на примере аллегорического объяснения сущности родственных божеств, таких как Музы, Мойры или Эриннии. Диахронному взгляду на язык Корнут предпочитает синхронный. Резонно предположить, что это вызвано опять-таки желанием любым способом, пусть даже не очень корректно – это, пожалуй, единственное, в чем можно упрекнуть Корнута, – подтвердить общий тезис об универсальности любой божественной сущности. Но философские взгляды стоиков опять-таки обеспечивают методам Корнута некоторую безнаказанность. Божественный логос являлся для стоиков не только пронизывающей весь телесный и духовный мир сущностью, но и внеположенной по отношению к этому миру причиной, и творцом, свободно смешивающим все подвластные ему элементы мироздания. Это, заметим, делает закономерной связь каждого имени с любым из множества созвучных ему слов. Люди, учит Корнут, мыслят и говорят, хотя и раз-

[8] Корнут, явным образом отдававший себе отчет в том, что язык развивается, не обращает никакого внимания на не употребляемую более его современниками, но встречающуюся в древнем поэтическом и религиозном словаре лексику.

личными словами, но в сущности об одних и тех же явлениях. Не высказывая общих соображений о соотношении научного и "философского" подхода к языку, заметим лишь, что такой взгляд на вещи вполне мог стать оправданием выбранного пути для такого ортодоксального представителя стоической школы, как Корнут.

***

Нашел ли он последователей? Мы уже говорили о том, что попытки увидеть соответствие мыслям Корнута в текстах его учеников не дают удовлетворительных результатов. Тем не менее поиск в этом направлении небезнадежен. В комментариях Сервия к "Буколикам" Вергилия мы встретили аллегорическое объяснение имени Пана, почти буквально совпадающее с предлагаемым в "Греческом богословии". Такое совпадение могло бы показаться случайным, если бы мы не знали, что Сервий был знаком с творчеством Корнута. Он несколько раз цитирует комментарий Корнута к Вергилию, бывший, видимо, у него под рукой. На отношение Корнута к Вергилию стоит обратить внимание, так как именно эта область исследований философа оказала влияние на латинскую литературную традицию. У Персия начало "Энеиды" уподоблено "старой сухой ветке пробкового дуба". Лукан положил все силы на то, чтобы создать поэму на принципах, противоположных вергилиевым. И почти все отрывки, которые приводит Сервий из комментария Корнута к Вергилию, содержат критические, иногда в очень категоричной форме высказанные замечания[9]. Следует, наверное, считать, что отношение учеников Корнута к Вергилию было определено не только духом времени, вызвавшим к жизни поэтику "нового стиля", но и непосредственным влиянием, которое оказал философ на творчество своих воспитанников. Включал ли комментарий Корнута к Вергилию аллегорические объяснения? Скорее всего, нет, потому что Сервий сослался бы на Корнута,

---

[9] Сохранившийся фрагмент письма к Силию Италику, большому поклоннику Вергилия, дает основания считать, что Корнут упрекал почитаемого им и авторитетного поэта в следовании ложной поэтике.

приводя свои аллегории. Однако объяснение имени Пана перекочевало в комментарий Сервия именно из области философской аллегорезы. Если трактат Корнута и не был прямым источником Сервия, то сам круг идей, которому посвящено было школьное сочинение философа, определенно не на шутку интересовал знаменитого комментатора, и аллегореза воспринималась им как верный и достойный внимания метод познания. Что же касается того, насколько жизнеспособной оказалась идея аллегорических толкований божественной сущности вообще, то об этом достаточное представление дают многочисленные попытки позднейших, уже христианских теософов, предпринимающиеся в этом направлении и поныне.

***

Трактат[10], русский перевод которого мы предлагаем читателю, наука нового времени в лице выдающегося знатока античности Отто Яна заклеймила как исключительно наивный и не соответствующий представлениям о таком замечательном человеке, каким, судя по свидетельству античных источников, являлся Луций Анней Корнут. Эта и подобные ей оценки отбили всякое желание заниматься единственным полностью дошедшим до нас сочинением Корнута. Интерес к данному произведению античной педагогической мысли ограничивался изысканием возможностей улучшить текст, дошедший в сильно интерполированном варианте в рукописях XIV–XVII веков. Однако и это направление не было доведено до того логического завершения, которым могло бы стать новое издание, выполненное

[10] Что касается истории его создания, то здесь мы можем только сообщить о попытках итальянских ученых доказать, что он посвящен Персию, и даже вставить это имя в текст. Однако чтение в одной из рукописей “о дитя Георгий”, из которого хотели сделать “о дитя Персий”, явно византийского происхождения. Видимо, кто-то хотел подарить “Греческое богословие” своему воспитаннику или сыну и вставил при переписке его имя.

на современном научном уровне. Сейчас большинство исследователей все еще вынуждено пользоваться текстом старого издания Ланга 1881 года. Впрочем, это издание вызвало такую сильную критику позднейших исследователей, что самым надежным и поныне может считаться издание Фредерика Осанна 1844 года, в котором помимо исследования рукописей содержится подробный комментарий, отражающий тогдашнее состояние филологической науки. Мы также опирались в первую очередь на это издание. Статьи о Корнуте, где трактат о природе богов разбирался бы с литературной или философской точки зрения, исчисляются единицами. Недавнее исследование Гленна Моста, вызванное стремлением автора возбудить интерес к творчеству Корнута, не достигло своей цели, так как многочисленные попытки поиска параллелей между Корнутом и различными поэтами серебряного века латинской литературы при ближайшем рассмотрении оказались несостоятельными, а объяснение положений стоицизма, из которых исходил Корнут, поверхностным. Между тем нам вполне понятен восторг Осанна, получившего от своего учителя Генриха фон Келера (закончившего свои дни в Петербурге на должности директора одного из отделов Эрмитажа) для обработки и издания рукопись известного филолога начала прошлого века Каспара Д'Ансэ де Вильуасона с полным разбором сочинения Корнута. Нам представляется, что рассматриваемый под правильным углом зрения, трактат Корнута может стать не только интересным для современного читателя, но и весьма полезным для формирования верного взгляда на античную науку. Некоторые аспекты, которых мы коснулись в настоящем предисловии, смогут, надеемся, привлечь к Корнуту внимание специалистов в разных областях античной культуры.

Луций Анней Корнут

ГРЕЧЕСКОЕ БОГОСЛОВИЕ

Глава 1. Небо, мой мальчик, объемлет землю и море, окружает все, что в водах морей и на суше. Потому и название ему – небосвод, граница природы, простирающаяся над миром. Иные говорят, впрочем, что имя это от дозора или караула, то есть от того же корня, что "надзиратель" и "призреть". Другие производят от "взирать вверх". По своей замечательной благоустроенности небо вместе со всем, что оно обнимает, именуется космосом, чинным порядком. Некоторые поэты называли отцом небес Акмона – Неутомимого, намекая на непрестанность круговорота. Они имеют в виду его неизбывность и таким образом пытаются доказать это через словопроизводство. Ведь и мы говорим об окончивших жизнь, что они почили, трудами истомленные. Сущность же неба огневая, что ясно показывают солнце и прочие звезды. Поэтому самый крайний предел нашего благоустроенного мира-космоса и был назван эфир – пламенеющий, от глагола с этим значением. А другие говорят, что эфир есть среда присномчащаяся, производя это слово от постоянного бега. Так и светила-астры зовутся неустойчивыми потому, что никогда не стоят на месте, но постоянно находятся в движении. Правдоподобным представляется, что и боги именуются богами от того же слова "бег", то есть от мчанья и стремленья. Ибо в глубокой древности люди полагали, что боги

на их глазах беспрестанно мчатся во все стороны, являясь причиной изменений нижнего воздуха и сохранения целокупности мироздания. Так-то, пожалуй, боги и становятся зиждителями и творцами всего происходящего.

Глава 2. Подобно человеческой душе, управляющей нами, есть душа и у миропорядка-космоса, связывающая и удерживающая его. Имя душе этой – Зевс, и прежде всего это связь и начало всего, источник жизни для живущих. Поэтому-то и говорится, что Зевс царит надо всем, – так и мы можем сказать, что душа наша царствует над нами. И Дивом называем мы его недаром: он движит все, все происходит благодаря Зевсу. У иных зовется он однако и Деус, как орошающий и одевающий землю и всех земных существ наделяющий живительной влагой. И родительным падежом к этой влаге-Деусу служит форма "Дева", некоторым образом соответствующая форме "Дива" (от "Див"). А что живет он, как говорят, на небе – так ведь там главенствующая часть души космоса. Ибо и души наши – огнь.

Глава 3. Преданье гласит, что жена и сестра Зевса зовется Гера (Эра), то есть Аэр – воздух. Ведь она непрерывно вяжется и склеивается с ним, поднимаясь от земли, когда он к ней подступает. И происходят они из стремления в одно, когда реющая в чистейшей тонкопряди субстанция соединяет и упорядочивает огонь и воздух. В этом смысл имени Реи – матери Зевса и Геры. Реей зовут их мать в мифах, отца же – Кроном, оттого ли, что все это происходит в определенные промежутки времени (то есть от слова "хронос" – "время"), или оттого, что он смешивает и перетряхивает материю и как бы перекраивает ее, разделяя на первоначальные элементы, или – что убедительнее всего – оттого, что в результате сопряжения эфира и воздуха из огня воздвигается естество, чтобы кроной своей все сущее увенчать и завершить творение.

Глава 4. Исходя из этого, древние утверждали, что и Посейдон – сын Крона и Реи. Ибо вода также происходит из опи-

санного превращения. Посейдон же есть сила, производящая влагу, что в земле и вокруг нее, прозванная так потому, что питье дает, или – что пот выделяет, то есть как бы Потейдон. Наконец, по приписываемому этому богу свойству, его называют Сотрясающим подножье, то есть колеблющим землю.

Глава 5. Есть у них, рассказывают, и еще один брат – Аид. Это – приземица, самый низменный воздух, состоящий из плотнейших частиц. Ибо и Аид возник вместе с ними, после того как природа начала течь и творить сущее по своим замыслам. Названье его, быть может, объясняется тем, что сам по себе он невидим. Поэтому часто и говорят раздельно – "А-ид", то есть "Не-вид". Но, возможно, это слово означает нечто противоположное приятному нам. Ведь, как будто, именно сюда предстоит отправиться нашим душам после кончины, а что может быть для нас неприглянее, противнее смерти? И Плутоном – Владеющим богатством зовется этот бог потому, что все на свете в конце концов непременно перейдет к нему и станет его достоянием, ибо все подлежит смерти.

Глава 6. Изображая Рею в соответствии с указанным течением, ее, естественно, делают уже и виновницей дождей. Последние, по большей части, случаются грозовыми, с раскатами грома и вспышками молний – и вот Рее становятся милы бряцанье тимпанов и кимвалов, и факельные шествия, и трубные звуки: так выступает она в различных изображениях. А поскольку ливни низвергаются сверху, часто кажется, будто они приходят с гор. И сперва ее имя дали Иде – высочайшей горе, видной отовсюду. Так что Рею прозвали горной (Гореей), и львов, благороднейших обитателей гор, запрягли в ее колесницу. Возможно, впрочем, что львы здесь из-за некоей свирепости, присущей горным бурям. На главу же ее возложен венец башневидный – как видно, первые города возводили на горных вершинах неприступности ради. Или это объясняется тем, что богиня Рея есть прародительница и причина космоса – начального первообраза града. А руно – знак того, что она

была и праматерью всякой живности. Потому и вешают ей на шею всякие изображения: ведь вся пестрота и разнообразие сущего – ее творение, и всякая вообще вещь благодаря ей появилась на свет. По-видимому, она же есть и сирийская Атаргатис, почитатели которой, ко всему прочему, воздерживаются от принятия в пищу голубей и рыб – доказательство того, что именно воздух и вода более всего обнаруживают свободу материи. Особое имя Реи – Фригийская: во Фригии она необычайно почитаема. Там, в частности, распространен жреческий чин галлов (евнухов), что должно, по-видимому, символизировать нечто подобное передаваемому в греческих мифах об оскоплении Урана – Неба.

Вначале Крон, говорят, проглатывал детей, приносимых ему Реей. Это весьма глубоко и верно понятая закономерность. Недаром все, что ни возникнет в результате движения, о котором мы говорили, так же точно уничтожается впоследствии, исчезая в круговороте. Таково и время-хронос, расточающее рождаемое в нем. Затем, когда родился у Реи Зевс, она запеленала камень и подала его Крону, сказав, будто это и есть ее дитя. И Кроном был проглочен камень, а сам Зевс, вскормленный тайно, стал (затем) владыкой космоса. Здесь своеобразно усвоено представление о поглощении, поскольку миф этот повествует о миросоздании, в ходе которого устроительное естество было выпестовано и стало господствовать как раз тогда, когда камень, который мы называем Землей, был установлен внутрь, в самый центр, будто проглоченный. Ведь то, что существует, не могло состояться иначе, чем будучи прикреплено к фундаменту-Земле, откуда все впоследствии произошло и развилось.

Глава 7. Наконец, рассказывают, что Крон оскопил Урана-Небо, постоянно сходившего вниз для совокупления с Землей, положив этим конец его невоздержанности, сам же был низложен Зевсом и свергнут в Тартар. Здесь содержится намек на то, что порядок всего творения, который, как мы сказали, именуется Кроном от кроны и свершения, свел на землю течения окружающего

ее мира, сотворив тончайшие испарения. А естество космоса, которое, говорим мы, называется Зевсом, сдержало этот неукротимый коловорот превращений. И очень кстати называют Крона извильномыслящим – его, разворачивающего и распределяющего такое количество извилистых и разностремящихся вещей, которые он замыслит.

Глава 8. Однако согласно иному рассказу – а об этих вещах есть, конечно, не одно предание – праотцом всего сущего называли Океана, женой которого была Тэфия. Океан же выступает как разум, в мгновение ока проносящийся и все преобразующий в своем стремлении, а Тэфия – как стабильность качеств. Ибо из их стремления и соединения и возникает сущее. И на свете не было бы ничего, если бы эти силы остались несмешанными.

Глава 9. Далее, Зевса называют Отцом богов и людей еще и потому, что естество космоса послужило причиной его установления, подобно тому, как отцы рождают детей. Тучегонителем же и Громобоем его нарекают, влагают в руку перун и облекают эгидой – щитом-буреносцем как того, кто вознес над нами облака и громовые раскаты и с небесной выси, как мы видим, посылает молнии и бури – то есть бога, уделившего небу все, что было отделено от земли и поднято над нею. И от бурь-эгид (а название их от глагола “стремиться”) он был поименован Эгиохом – Буредержцем, но по другим причинам – Дождевиком и Многоплодным, и Громовержцем нисходящим, и Метателем перунов. И как только еще ни зовут его, мысля различно об одном и том же: и Спасителем, и Оградителем, и Защитником града, и Отеческим, и Родовым, и Гостеприимцем, и Покровителем имущества, и Председателем совета, и Трофеедержцем, и Освободителем. Поистине бесчисленны прозвища его, того, кто достиг всей полноты могущества и власти, являясь причиной и блюстителем всего. Действительно, о Зевсе говорят и как об отце Дикэ – Справедливости: ведь именно он претворил в жизнь идею людского сообщества и призвал не до-

пускать друг против друга несправедливых дел. Совершенно в том же духе Зевс является отцом Харит – Прелестниц, и от него берут начало благодарность и благодеяния. Зевс отец и Гор – Хранительниц, богинь времен года, появляющихся на земле в соответствии с охранительными превращениями окружающего мира, и остальных (божеств), получающих имя от охраны. Его изображают мужем зрелым, не обнаруживающим черт увядшего старика или несформировавшегося юноши, – ведь и самому Зевсу не свойственна недостаточность или чрезмерность, и облику его более всего прилична возмужалая зрелость. Поэтому ему приносят в жертву именно взрослых животных. Скипетр – символ могущества и власти Зевса, царская ноша, или – знак того, что сдвинуть его с места так же трудно, как крепко опирающегося на палку. А что должно означать копье, которое он держит в правой руке, – это яснее всякого толкования. Ваятели часто изображают его держащим Нику – Победу. Ибо он являет превосходство надо всем и победить его невозможно. Его священной птицей считается орел, как самый зоркий из всех пернатых. Главу же Зевса украшает венок оливовых листьев – может быть потому, что дерево это вечнозеленое и прекрасное и приносит разнообразную пользу, или из-за некоего подобия цвета ее плодов цвету неба (в грозу). Он также зовется Карателем и Мстителем, так как сурово наказывает нечестивцев и злодеев, навлекающих на себя его мщенье. Сами же эти (люди) злодеями называются за то, что деяниями своими злость вызывают и стоны, а убийцами и нечестивцами – за то, что ударами рук своих вершат дела, никакими жертвами не счищаемые.

Глава 10. Таким образом появились на свет и те, кого называют Эриннии – рыскающие в поисках грешников. Зовут их Мегайра – Зложелательница, Тисифона – Мстительница за убийство, Алекто – Неугомонная, ибо божество желает зла преступникам и не оставляет безнаказанными совершаемые ими убийства, но мстит за них без устали и непрестанно. Однако те же самые богини, подлинно, называются Эвменидами – Почтенными и

Благожелательными. Ибо наказание за злодейство природа устраивает также на благо людям. Лики этих богинь приводят в ужас, они преследуют нечестивцев огнем и бичами; говорят, что они змеевласые, – все это для того, чтобы дурные люди могли вообразить, какая кара ждет их за их преступления. Жилище Эринний – Аид, область невидного, ибо смутны терзания и муки, доставляемые ими, и заслуженное возмездие захватывает (негодяев) врасплох.

Глава 11. В согласии с этим говорится:

Грозен всевидец Зевес, и ничто его слух не обманет[1].

Ибо как возможно чему-либо из происходящего в мире скрыться от всепроникающей, везде распростертой силы? Зевс именуется и Милосердным, потому что он становится милостив к людям, отказавшимся от неправедных дел. Ведь тогда ему уже не нужно непримиримо к ним относиться. Отсюда и алтари Зевса – Покровителя умоляющих.

Глава 12. И Литы – Мольбы называет Поэт[2] дочерьми Зевса. Их хромота – оттого, что проситель обычно падает на колени, припадает к ногам, морщины – от упорства просящих, упорства их немощи, а косоглазие – следствие частого невнимания тех, кто не

---

1 Стих является неточной цитатой из Гесиода (“Труды и дни”, 267): “*Глаз Зевса замечает все вокруг и все разумеет*”. Для большинства цитируемых Корнутом отрывков из Гомера, Гесиода и других поэтов мы вынуждены были давать свой перевод, чтобы сохранить ход мысли Корнута, долженствующей быть проиллюстрированной теми или иными стихами древних поэтов. Для того, чтобы читатель мог проследить за контекстом, из которого Корнут берет цитаты, мы приводим точные ссылки.

2 Здесь и далее Корнут, следуя традиции, Поэтом называет Гомера. Здесь имеется в виду “Илиада” 10, 498.

замечает, какая последняя нужда заставляет просить подаяния, и косо смотрит на просящих.

Глава 13. Зевс – это и Мойра, то есть Участь, ибо судьбы распределяются между нами незримо. А уже отсюда всякая прочая часть (и доля) получила имя мойры. Судьба же есть неизвестная и непознаваемая причина происходящего, или вечно сущая – так объясняли старшие, хотя теперь обнаруживается неясность связи следующих одна за другой вещей. А Хеймармена – Удел, то, согласно чему все схватывается, соделывается и соединяется в стройный ряд, не имеющий предела. Слог "ей" заключает в себе охват, как в слове "хейрмос" – "сплетение". Необходимость – то, что нельзя сломить или преодолеть, или – условие, благодаря которому все, что случается, имеет выход, возможность произойти. А другим способом вводятся три Мойры согласно троякому членению времени. И одна из них названа Клото – Пряхой, так как прядению шерсти уподобляется происходящее с нами; когда одним выпадает на долю одно, другим – другое. Поэтому Клото, старшую из трех сестер, изображают прядущей. А средняя сестра носит имя Лахесис – Жребий, из-за сходства достающегося на долю каждому с выпавшим наудачу жребием. Третья же сестра зовется Атропос – Необратимая, оттого что установленное в согласии с ней безвозвратно и не может быть изменено. Вполне можно сказать, что все три названия выражают примерно одно и то же. Таково и имя Адрастеи – Неотвратной, данное ей за неизбежность и неминуемость причиняемого ею, или за то, что она не отворачивается, не отступается от своего, то есть Неотступная, Непрерывно вершащая. Или, быть может, отрицательная частица означает здесь большое количество: как, например, в словосочетании "нерубленый лес", то есть густой. Действительно, свершения ее весьма многочисленны, поистине, можно назвать ее Полидрастеей – Творящей многие дела. Немесида – Возмездие получает имя от мщенья и воздаяния, ибо она раздает выпадающее каждому. А Тюхэ – Случай, так как воздвигает на нашем пути различные обстоятельства

(залучает нас), являясь творцом-демиургом всего случающегося с людьми (всего нам сопутствующего). А Опис – Кара, так как скрыта: наказание как бы за нами следует и, наблюдая за нашими делами, взыскивает с тех, кто достоин взыскания.

Глава 14. Говорят, что от Мнемозины Зевс произвел на свет Муз. Это сказано не зря. Именно он, Зевс, создал и ввел в обиход науки, постигаемые через обучение, сопряженные по самой своей природе с кропотливой заботой и усваиваемые в качестве самого необходимого для благой жизни. А называются они так от узнавания, то есть поиска, стремления и определения, в согласии с тем, как об этом сказано в стихах:

Станешь, плут, искать, где слаще – как бы горько не пришлось[3].

Всего Муз девять: подобающие им нечетные числа, как некто говорит, составляют квадрат. А в результате умножения на само себя первого причастного некоему совершенству числа из следующих за единицей как раз и получается девятка. Впрочем, у некоторых авторов Муз всего две, у других – три, а у кого-то – семь. Три – из-за упомянутого совершенства триады, или потому, что философское рассмотрение исчерпывается тремя предметами; две – так как нам подобает наблюдать и совершать должное, а из этих двух частей и складывается цель воспитания; четыре же или семь – из-за того, наверное, что древние музыкальные инструменты имели такое количество тонов. А женщинами они выведены – ведь и доблесть, и воспитанность, по некоему стечению обстоятельств, получают женские имена – как символ того, что ученость происходит от пребывания дома и усидчивости. Все дела у них общие, они вместе водят свои хороводы – явное указание на то, что Музы неразлучны с добродетелями и неотделимы от них. Они занимаются по преимуществу сочинением гимнов в честь богов и религи-

[3] Стих из неизвестной пьесы древнего комического поэта Эпихарма, дошедшего в незначительных фрагментах.

озным служением, поскольку основа воспитания есть жизнь с оглядкой на божество. Тем же, которые такую жизнь поставили для себя примером, необходимо постоянно иметь на устах божественное. Музы зовутся: Клио – Славная, от славы – ведь образованные люди прославляют себя и других; Евтерпа – Услада, оттого что общение с такими людьми является усладительным и привлекательным; Талия – или Цветущая, потому что в жизни они всегда процветают, или Пиршественная, ведь эти самые люди, умело и изящно ведущие себя на пирах, имеют и определенную застольную доблесть; Мельпомена – Поющая, от песни, от некоей сладости голоса, сопровождаемого музыкой, ибо практикующие добродетель воспеваются всеми, но сами они воспевают богов и тех, кто жил в прежние времена. Терпсихора – Наслаждающаяся пляской, оттого что они большую часть жизни наслаждаются и радуются, или потому что приближаясь к ним и созерцая их, получаешь наслаждение: тогда в этом имени одна лишняя буква (то есть "х", и оно образовано от слов "терпестай" – наслаждаться и "оран" – созерцать). Но возможно, Терпсихора зовется так по той причине, что древние устраивали для богов хороводы, причем песни богам сочиняли самые мудрые из них. А Эрато – Любовная – может именоваться от страстного желания и представлять стремление к занятию философией любого рода, а может и ведать искусством задавать вопросы и давать ответы, так как серьезные люди склонны к диалектике, и тогда это Эрато – Спрашивающая. Полигимния – Обильная гимнами, добродетель, часто прославляемая в гимнах, или, скорее – воспевающая в гимнах многих и взявшая на себя заботу о многочисленных песнях про дела минувшие и о знаниях, что содержатся в различных поэмах и другого рода сочинениях. Урания – Небесная, знание о вещах небесных и о природе всего мироздания. Ибо весь космос древние называли небом. Каллиопа – Прекрасноголосая, риторическое искусство, включающее и красивый голос (благозвучную речь), и (сильные) прекрасные слова. С этим искусством возможно и занятие политикой, и обращение к народу, приведение его к покорности, причем не насилием, а убеж-

дением склоняя идти по тому пути, который для него определят. Прежде всего поэтому и сказано:

Идти за царями почтенными следом[4].

Муз наделяют разнообразными музыкальными инструментами, каждый из которых символизирует стройность жизни людей добродетельных, ее созвучие и согласие с собой. В хороводах Муз принимает участие Аполлон, также причастный к мусическим занятиям. Ведь предание гласит, что и он – кифаред, а по какой причине – об этом ты скоро узнаешь. Говорят, будто Музы устраивают свои танцы и песнопения в пустынных горных местностях, и это из-за того, что стремящиеся к знанию люди имеют потребность в уединении и постоянно ищут одиночества, и удаляются в пустынные места.

За их пределом мудрого не сыщется, –

как сказано в комедии[5]. В согласии с этим девять ночей сходился Зевс с Мнемозиной, чтобы породить Муз. Ибо ночные занятия также необходимы для достижения правильного воспитания, и не по какой-либо иной причине поэты прозвали ночь Благосклонной. Вот, например, Эпихарм говорит:

Не отыщешь ничего ты ночи мыслетворнее, –

или:

Вся глубокая наука ночью проясняется.

Некоторые, впрочем, утверждают, что Музы произошли от Урана и Геи, так как рассказ о них должен быть более древним. Музы увенчаны листьями финикового дерева. По сходству имен объясняют это тем, что буквы, по всей видимости, изобретены Финикийцами. Но гораздо разумнее полагать, что финиковые венки на головах Муз – от нежности этого растения, пышности его роста,

---

[4] Эти слова являются частью стиха 79 "Теогонии" Гесиода.

[5] В какой – неизвестно. Скорее всего, у Эпихарма.

оттого, что оно вечнозеленое, что на него трудно взобраться, но плоды его сладки.

Глава 15. Поскольку, как уже говорилось, нам доводится иногда быть склонными к добрым делам, большинство авторов выводит Харит-Милостивиц также дочерьми Зевса, кто – от Эвридомы – Широкодомной, ибо, как правило, подарки любят раздавать хозяева широких и гостеприимных домов, кто – от Эвриномы – Широкодающей, указание на то, что владельцы больших угодий бывают более щедры, чем обязаны быть, а кто – от Эвримедузы – Широко власть простирающей, и здесь истинное значение слова указывает на то же, что и предыдущее. Ведь люди имеют власть только над тем, что им действительно принадлежит. Но другие дают Харитам в матери Геру, чтобы они были столь же исключительно родовиты среди богов, сколь благородны совершаемые ими дела. Иначе можно объяснить то, что их изображают нагими, а именно – тем, что и не владеющие никаким имуществом могут помочь кому-то, принося посильную пользу, и благодетельствуют не в малой степени, и чтобы стать для кого-то подателем блага, не обязательно иметь всего в изобилии. Как сказано об этом:

И дарителя доблестно сердце[6].

А согласно мнению других, нагота Харит указывает на то, что, благодетельствуя, не следует сдерживаться, но вести себя легко и свободно. Говорят, что Харит две, иначе – что три. Две – поскольку есть два типа людей: одни оказывают милость, другие отвечают взаимностью. А три – поскольку прекрасной является такая ситуация, когда воздавший благодарность, в свою очередь, настроен оказывать благодеяния, и так должно происходить постоянно. Нечто подобное выражает и их хоровод. Но по утверждению других, одна Харита – для того, кто приносит пользу, оказывая кому-либо услугу, другая – для того, кто эту услугу принимает и ожидает, когда придет время ответить тем же, и третья –

[6] Стихи неизвестного поэта.

для того, кто опять-таки в соответствующее время воздает взаимностью. И благодетельствовать нужно с радостью, и тех, кто получил благодеяние, Хариты делают веселыми – поэтому все они вообще названы так от радости и веселья ("хайрейн" – "радоваться"). Говорят, что внешность их не только прекрасна сама по себе, но и дарует прелесть и убедительность. А по отдельности их зовут: Аглая – Краса, Талия – Цветущая, Эвфросина – Благоразумная. Поэтому некоторые утверждают, что их матерью была Эванта – Прекрасноцветущая, другие же – что Эгла – Блистающая. И по словам Гомера, одна из Харит является супругой Гефеста, ибо искусные дела всегда приятны.

Глава 16. Предание, по которому предводителем Харит выступает Гермес, учит нас, что оказывать благодеяния следует весьма обдуманно и не кому попало, но лишь людям достойным. Ибо тот, кто стал жертвой неблагодарности, сам теряет охоту делать добро. Гермес же предстает как разумное слово, которое боги с небес послали нам, сделав человека единственным из всех живущих на земле существом, наделенным речью и разумом; передав ему то, что было их исключительным достоянием. А зовут Гермеса от речи осмысленной, которую именно и представляет собой всякое высказывание, или от крепости и как бы оплота, каким он для нас служит. Отсюда в первую очередь и берется его прозвище Посланец, Проводник, данное ему за то, что он проводит наши мысли к душам окружающих. Недаром Гермесу посвящают языки жертвенных животных. Его также называют Спешащим на подмогу милостивцем, потому что он действительно приносит огромную пользу, и те, кто умело пользуются его помощью, имеют силу и влияние сверх всякой меры. Другое прозвание его – Могучая твердыня – берется оттого, что он является защитником жилищ, или, как утверждают некоторые, – от его силы и крепости. Указанием на это служит и прозвище Податель благой помощи. Ведь не от злобы и не ради причинения вреда произошла речь, но, скорее, для нашего счастья и благополучия. В этом причина того, что Ги-

гизя – богиня здоровья и благоденствия – сделана его супругой. А Светозарный означает как бы Просветляющий. Ибо он делает прозрачным и объясняет все на свете, а прозрачное древние называли светлым. Другое объяснение – от быстроты осуществления мыслей в словах. Ведь древние и быстрое называли светлым. Гермеса именуют Богом с золотым жезлом, потому что драгоценен и удар, полученный от него. Ибо дороги своевременные наставления и вразумление прислушивающихся к ним. Предание называет Гермеса Посланцем богов, рассказывая, что именно он сообщает людям вести от небожителей. Глашатаем же он выступает, поскольку средством, помогающим словам достичь слуха, служит голос, причем громкий голос. А вестником Гермес является потому, что волю богов мы узнаем из данной нам способности мыслить разумно. На нем крылатые сандалии, он носится по воздуху – разве не соответствует все это изречению "крылатые слова"? По той же причине Ириду – Радугу прозвали Ветроногой и Вестницей несущейся как вихрь, давая такие прозвища также в соответствии с ее именем ("ирис" – "радуга"). А миф о том, что Гермес является проводником душ, появился на том основании, что ему (слову) действительно свойственно увлекать душу. Как раз поэтому Гермесу и вручают жезл, коим он

очи туманит иным,–

ясно, что это очи разума, –

и от глубокого сна, коль захочет, иных пробуждает[7].

Ведь он способен с легкостью и поощрить ленивого, и сдержать слишком усердствующего. На этом основании было уже решено, что он посылает сны и является прорицателем, направляя наше воображение по своему желанию:

Ведь и сны от богов нам посланцы[8].

---

[7] "Илиада" 24, 343-344. Ср. "Одиссея" 5, 46.

[8] "Илиада" 2, 26.

Две змеи, обвивающие Гермесов жезл и придающие ему тем самым полное сходство с жезлом глашатая, являются символом того, что даже свирепые и звероподобные люди могут быть им заворожены и околдованы, – он уничтожает вражду между ними и соединяет их нерасторжимой связью. Представляется, что поэтому жезл глашатая является миротворным. Другим символом мира служит масличная ветвь. Желающие остановить вражду несут эту ветвь в руках как напоминание о нуждах земледелия и необходимости щадить садовые растения, приносящие нам плоды. Преданье, по которому Гермес был рожден Зевсу Майей, подразумевает опять-таки, что слово есть результат наблюдения и поиска. Ибо майей называют и повивальную бабку, как раз за то, что она, нащупав (разыскав) плод, выводит его к свету. Скульптурные изображения Гермеса не имеют рук и ног; их прямоугольность придает богу нечто устойчивое и незыблемое, тем более, что основания прямоугольников равны их сторонам. Рук же и ног нет у него потому, что для исполнения того, что ему предназначено, ему не требуется ни то, ни другое. Древние наделяли изваяния старого и бородатого Гермеса напряженным срамом, а молодого, с нежной кожей – наоборот. Так они показывали, что у людей преклонного возраста разум становится зрелым и совершенным, как и оказывается при решении поставленных задач. Между тем у несовершеннолетних юношей незрелы и несовершенны слова и разум. Гермеса ставят на дорогах и называют Дорожным и Путеводным по той причине, что его следует брать предводителем в любом деле, и руководя нами в любых решениях, он всегда выведет нас на верный путь; возможно – и потому, что для верного служения ему приходится подчас удаляться в пустыню. Он является общим и равным для всех людей, почему и восклицают путники, случайно нашедшие что-нибудь на дороге: “Гермес для всех один!” – он ведь Дорожный, и следовательно, как бы свидетель находки – объявляя тем самым, что найденное они считают общей собственностью нашедших. Отсюда также все находки зовутся гермесовыми. Возле Герм (придорожных) насыпаны кучи камней и каждый прохожий прибавляет

к ним свой камень. Так поступают затем, чтобы, очищая дорогу, принести посильную пользу, но таким же образом призывают Гермеса в свидетели. Этим можно также выразить ему свое почтение, если другого подношенья у тебя нет. Может быть, это делают еще, чтобы соорудить нечто более примечательное на удивление проходящим мимо, а может статься – и как символ того, что (произносимая) речь (разум, выраженный в словах) состоит из небольших частей. Весьма кстати Гермеса называют и Площадным главой. Ведь он наблюдает за произносящими речи. А от площади область его влияния переносится уже на покупающих и продающих, так как все это также требует умелого пользования словом. Представляется, что поэтому Гермес становится начальником всей торговли, откуда происходят и его прозвища Выгодно продающий и Приносящий барыш, ибо он является для людей единственным источником настоящей выгоды. Гермес – изобретатель лиры, то есть гармонии и согласия, необходимых смертным для счастья; ведь он посылает нам упорядоченное расположение духа. Тем, кто хотел утвердить его силу противоположными качествами, мы обязаны преданию о Гермесе-Воре, а некоторые даже построили алтарь Гермеса-Коварного. Действительно, он тайно похищает у нас наши прежние решения и часто скрадывает, скрывает истину, заменяя ее правдоподобием, почему речи некоторых людей и называют скрытными. Ведь запутанные и лукавые мысли также присущи тем, кто умеет использовать обдуманную речь. А Законным Гермеса называют от разумного слова, ведущего к исправлению нравов, предписывающего то, что надлежит делать в обществе, и запрещающего то, чего делать нельзя. В самом деле, благодаря соименности, омонимии, его подводят и к роли покровителя законов. Вместе с Гераклом Гермеса почитают и в палестрах[9], так как вместе с силой необходимо, конечно, уметь пользоваться и разумом. Ведь о том, кого убеждает только телесная сила и кто пренебрегает разумом, введшим в наш обиход искусства, весьма

---

[9] Палестра – место, где греки занимались борьбой.

уместно сказать:

О несчастный, погубит тебя твоя сила[10].

Глава 17. Свидетельством изобилия и пестроты тех мифов о богах, которые были сложены древними Эллинами, подобно тому как другие мифы зародились у Магов, иные – у Финикийцев, далее – у Египтян, Кельтов, Ливийцев и прочих народов, могут послужить слова Гомера, где Зевс обращается к Гере с такими словами:

Помнишь ли, как я тебя с высоты небесной подвесил,
Две наковальни к ногам прикрепив[11].

Похоже, что Поэт передает фрагмент древнего мифа, по которому Зевс подвесил Геру к эфиру на золотых цепях – от сходства сияния звезд с блеском золота, а к ногам ее приладил две наковальни, то есть, конечно, землю и море, тянущие воздух вниз и не дающие ему возможности оторваться в ту или другую сторону. Гомер также вспоминает миф о Фетиде-Утвердительнице и о том, как Зевс был спасен ею:

В день, как отца оковать олимпийские боги дерзнули
Гера и царь Посидаон и с ними Афина Паллада[12].

И, по-видимому, каждый из названных богов со своей стороны постоянно злоумышлял против Зевса, стремясь помешать этому мироустроению, так что верх иногда одерживала вода – причем все вокруг затоплялось, другой раз огонь – и все было выжжено, а иногда – воздух. Но Фетида, расставив все по местам, воздвигла против этих богов сторукого исполина Бриарея. Пожалуй, именно с его помощью равномерно рассеиваются повсюду земные испарения, причем распределение всего (их) количества становится возможным как раз благодаря множеству его рук. Посуди сам,

---

10 “Илиада” 6, 407.
11 “Илиада” 15, 18.
12 “Илиада” 1, 399-400. Пер. Н.И. Гнедича.

разве имя Бриарей не указывает на то, что он вздымает некое варево из частиц космоса? А Айгайоном прозван он оттого, что вечно ("аэй") цветет и радуется своей силе ("гайон").

Различные мифы нельзя смешивать, как нельзя и переносить имена из одного предания в другое. Не следует бездумно излагать все подряд, как делают те, кто обращается с отдельными генеалогиями как со скульптурным материалом, налепливая на них непонятные им самим детали. В соответствии с этим создали миф, по которому – и так, в частности, излагает Гесиод – первым родился Хаос, за ним – Гея, Тартар и Эрот, а после из Хаоса возникли Эреб – Мрак и Никс – Ночь, от нее же – Эфир, а также День – Гемера. Хаос же представляет собой влагу, бывшую в мире до мироустройства, – тогда его имя происходит от слова, означающего выливаемую жидкость ("хюсис"), или же – огонь, и в таком случае это как бы Кос – от костра, который, впрочем, тоже как бы разлит из-за своей расчлененности на мелкие частицы. Ведь когда-то, дитя мое, все на свете было огнем и раз от разу это будет случаться снова. Когда же огонь гаснет, уходя в воздух, все превращается в воду. А вода подвергает воздействию и плотные и разреженные части сущего, сгущая первые и растворяя последние. Так вот, уместно сказано, что после Хаоса и Геи появился и темный Тартар. Его вышеупомянутый поэт назвал недрами Геи[13], потому что она окружает и прячет его. И Эрот, как говорили, родился вместе с ними – страстное влечение к продолжению жизни. Ведь что бы ни происходило на свет, что бы ни было причастно генезису, эту силу следует полагать самой прекрасной и достопримечательной из всех сил. А произошедший из Хаоса Эреб-Мрак есть разумное основание, дающее возможность покрывать и охватывать, встретившись с которым Гея тотчас породила небесный свод, формой подобный ей,

чтоб точно покрыл ее всюду
И чтобы прочным жилищем служил для богов всеблаженных[14],–

[13] Гесиод "Теогония" 119.

[14] Гесиод "Теогония" 127.

то есть чтобы создать надежное пристанище бегущим по небу долговечным звездам. Гея-Земля произвела Уран-Небо из испарений. Под небом сейчас подразумевается вся огромная окружающая землю тонкопрядь элементов. Никта-Ночь также выступает здесь дочерью Хаоса, ибо воздух, вознесенный над первичной влагой, поначалу был окутан непроглядной тьмой, а впоследствии, измельчившись, превратился в эфир и свет, о которых таким образом уместно было сказать, что ночь породила их. Но Гея-Земля “без влеченья любовного”, как повествуется об этом, произвела на свет горы и море друг подле друга. И успокоившись после переворота, в земных пустотах улеглось море, возвышенные же части суши, изломанной обвалами и оползнями, образовали горы. За описанными событиями следует рождение тех, кого называют Титанами. Это могут быть различные состояния сущего. Ведь вот как перечисляет их в своей “Физике” Эмпедокл:

Возникновенье и Гибель, Спокойствие и Беспокойство,
Бег и Недвижность и пышновенчанное с ними Цветенье, –

а также Увядание, и Безмолвие вместе с Гласом Вещим, и многие, многие другие, выводя которые он намекает на упомянутое нами разнообразие сущего. В том же духе, разумное основание, по которому живые существа были созданы обладающими голосом и благодаря которому стал возможен всякий вообще звук, древние прозвали Япетом, то есть как бы Айфетом – Испускающим вопль (ведь “ай” – это возглас). А Титан Кой делает сущее каким-то определенным (ведь “пойос” означает “какой”, а Ионийцы повсеместно употребляли “к” вместо “п”), или является первопричиной мышления (от ионийского глагола “коэйн”, то же что “думать”, “размышлять”). Криос же – Овен – определяет одним обстоятельствам служить причиной и господствовать, другим – быть второстепенными и подчиняться. Быть может, и тот баран, которого мы видим на пастбищах, назван в его честь. Гиперион – Превосходящий – дает возможность одним вещам совершать движение над другими, Океан – способствует завершению в мгновение ока (“окюс” – “быс-

трый"). А прозвание Спокойно текущий говорит о том, что течение его размеренно и неторопливо, как и движение солнца, тогда как эпитет Обладающий глубокими водоворотами свидетельствует о вращении, происходящем в его глубине. Тэфия же удерживает и сохраняет сущее в определенном виде. Тэйя – причина зрения (от глагола со значением "видеть"), Рея – течения; Феба – Светлая, она делает вещи чистыми и ясными, необходимым образом служа вместе с тем и причиной противоположных состояний, Мнемозина же выявляет произошедшее. Фемида вводит меж нами определенный порядок и охраняет его. Но Кронос, ужаснейший из всех детей, есть разум, реченный прежде всех свершений. И Гесиод сказал, что Титан этот самый молодой, ибо даже после рождения вышеназванных божеств он остался как бы в процессе возникновения. Впрочем, пожалуй, ты найдешь изложение и получше генеалогии Гесиода. Хотя, как я полагаю, некоторые вещи он позаимствовал из более древних источников, все же немало баснословного добавил и сам, так что немалая часть древнего предания оказалась погубленной. Теперь же следует рассмотреть то, что (разумно) утверждается большинством.

Глава 18. Итак, с давних пор рассказывают, что род людской вылепил из глины Прометей, и мы понимаем, что Прометеем здесь зовется прозорливость, сметливость, которую в позднейшие времена стали называть предвидением. Благодаря ему возникли все прочие вещи, и (наконец) выросли из земли люди, ведь с самого начала устроение космоса было направлено на это. Говорят, что некогда Прометей был вместе с Зевсом, потому что всякая власть и начальство над многими людьми требует предусмотрительности, а власть Зевса, конечно – в первую очередь. Рассказ о краже Прометеем огня для людей означает, что наши сметливость и предвидение сами нашли огню употребление. Утверждали также, что огонь был принесен с неба – наверное, потому, что там он имеется в избытке, или из-за молний, поджигающих своими ударами здешние предметы. Можно в этом усмотреть и намек на пламя, тлеющее

в стебле нартека[15]. За похищением огня последовала кара – Прометей прикован к скале и орел пожирает его печень. Так и наше искушенное знание, получающее помимо прочих благ еще и вышеупомянутое, страдает одним неизбежным недугом: знание это неотделимо от мучительных размышлений, которые, будучи накрепко связанными с ним в течение всей жизни, тяжкой заботой вгрызаются в наши внутренности. Младшим братом Прометея – Промысла, продолжают рассказчики, был Эпиметей – Мыслящий следом, гораздо более неразумный в жизни. Это и понятно, ведь провидящий разум всегда опережает воспитание и знание, возникающее на основе произошедших событий. Вот уж поистине:

Событие зрит и безумный[16].

Поэтому сказано, что именно Эпиметей стал мужем первой на свете женщины, – женское начало весьма неразумно и ему гораздо более присуще учиться на ошибках, нежели предвидеть будущее. Некоторые говорят также, что Прометей был изобретателем ремесел, и это ни по какой другой причине, чем та, что для создания последних необходим разум, устремленный в будущее.

Глава 19. Однако обычно создание ремесел приписывают Афине и Гефесту, первой – поскольку представляется, что она есть разумение и проницательность, второму – так как изготовление большинства продуктов ремесел не обходится без огня. Ибо эфир и прозрачное, чистое пламя – это Зевс, а тот смешанный с воздухом огонь, которым мы пользуемся, – Гефест, получающий имя от слова “гефтай”, что значит “быть охваченным”. Именно поэтому сказано, что он родился от Зевса и Геры, иначе – что от одной только Геры. Ведь языки пламени, являясь в некотором роде весьма плотными,

---

[15] Подожженная сердцевина этого растения, иначе называемого ферула, долго тлеет. Ср. Эсхил “Прометей” 109-110: “*В стволе сухого тростника родник огня / Я воровски припрятал*”. Пер. А. И. Пиотровского.

[16] “Илиада” 17, 32. Пер. Н.И. Гнедича.

устроены из одного лишь сожигаемого воздуха. Преданию о его хромоте мы обязаны, возможно, тому неровному продвижению огня сквозь материю, которое, в самом деле, напоминает прихрамывающего человека, или тому, что пламя нужно поддерживать какой-нибудь деревяшкой, как и хромого – посохом. Некоторые же приписали ему хромоту, видя, что движение вверх и обратно вниз огонь производит не одинаково и не равномерно, и что одно медленнее другого. Говорят, что он был сброшен Зевсом с неба на землю, потому что впервые огнем начали пользоваться, заметив пожар от упавшей с неба молнии, еще не умея изобрести средства для добывания его. Супруга Гефеста – Афродита; по другому мифу – одна из Харит. Действительно, считается, что искусным произведениям ремесла присуща некая прелесть, и мы говорим, будто за ними стремится Афродита – Любовь. Может быть, однако, эта часть рассказа выдумана потому, что в стремлениях к совокуплению много огненной страсти? Миф о том, что Гефест связал Ареса, прелюбодействовавшего с его женой, – а этот миф мы встречаем у Поэта, и он, стало быть, самый древний – объясняется укрощающей силой, которую огонь имеет над железом и медью. Сама же история этого прелюбодеяния показывает, что воинственность и насилие по природе не слишком далеко отстоят от веселия и кротости, и хотя сплетение их с последними происходит не по естественной закономерности, все же определенным образом стремясь к такому соитию, они приносят прекрасный и благородный плод – гармонию, возникающую из союза этих начал. Говорят, что Гефест послужил Зевсу повивальной бабкой, когда тот в муках производил на свет Афину: расколов голову Зевса, он помог богине выпрыгнуть. Так огонь, который используют ремесла, помогая воплотиться природной изобретательности человека, вывел ее, дотоле скрытую, на свет. И о тех, кто стремится изобрести что-то новое, мы говорим, что они вынашивают это и рождают.

Глава 20. Афина – это рассудок Зевса. Она, собственно, тождественна сущей в нем провидческой силе. Недаром строят храмы

Афине – Провидице. Произошла она из головы Зевса, и, возможно, этот рассказ коренится в представлении древних о голове как о вместилище господствующего начала нашей души, с чем соглашались и многие жившие позднее, хотя не исключено, что голова, верхняя часть человеческого тела, уподобляется здесь эфиру, вершине космоса, где находится господствующая часть его и сущность разума. По Еврипиду:

И бессмертных глава, окружающий землю эфир[17].

А матери у Афины нет потому, что рождение добродетели по природе отлично (от прочих рождений) и не нуждается в соединении двоих. Проглотив Метиду – Мудрость, породил Зевс богиню Афину, так как будучи (один истинно) мудрым и рассудительным, он не мог дать начало разуму откуда-либо, кроме собственной воли. Само же имя Афина невозможно объяснить из-за его древности. Одни говорят, что оно происходит от "атрейн" – "наблюдать за всем", и тогда эта богиня зовется как бы Атрена, другие – что хотя она и женщина (от "телейан" – "женский"), женское начало и бессилие в наименьшей степени свойственны ей. Иные производят от "тейнейн" – "поражать": дескать, добродетель никакими ударами поразить и подчинить нельзя. Можно предположить, что Атенайа, как древние называли Афину, есть Эфиронайа – Обитающая в эфире. Ее девственность есть символ чистоты и незапятнанности. Ведь именно такова добродетель. Статуи Афины представляют деву в полном вооружении, причем миф повествует о том, что в таком виде она и появилась на свет, для того чтобы разум был достаточно подготовлен для выполнения величайших и труднейших дел. А самыми великими кажутся военные подвиги. По той же причине ей придают весьма грозный и мужественный вид. Что-то подобное должны выражать и блестящие глаза. Стоит вспомнить, что такие испускающие страшный блеск глаза – у самых отважных зверей, как например,

[17] "Медея" 284. Ср. "Финикиянки" 84.

у леопардов и львов. По мнению других, Афину изображают с блестящими глазами по той причине, что блеск – свойство эфира. Ей также весьма приличествует совладение эгидой Зевса, ибо она не чужда тому, чем он, видимо, отличается ото всех и чем всех превосходит. Грудь Афины украшает прикрепленная в середине голова ужасной Горгоны, высовывающая наружу язык, как знак того, что слово является самым явным в управлении всем. А змеи и сова посвящены ей, светлоокой, по сходству глаз. Ибо страшен взгляд змеи, и в то же время есть в нем что-то настороженное, неусыпное, и изловить ее, как будто, не легко. В соответствии с этим (сказано и у Гомера):

Ночи во сне провождать подобает ли мужу совета?[18]

Прозванье Афины – Неутомимая, оттого что нет труда, который мог бы изнурить ее, или от неустанного и вечного стремления эфира. Тритогения, она вселяет ужас в негодяев, дрожь рождает в них, заставляя от страха трястись, – ведь против зла повела она войну. Если принимать мнения других, от Тритогении получаются три рода философских рассмотрений. Но это объяснение стремится наделить ее большим хитроумием, чем позволяет древняя нераздельность. Устремляющей народы прозвали Афину за то, что она побуждает войска к сражению, как и Дарующей добычу – от военных трофеев, или, скорее, за то, что к войску, которое отдаст себя под ее покровительство, устремится спасение и победа. Ведь и городу, и дому, и всякому живущему на свете следует делать своим руководителем разум. Отсюда и происходят такие ее прозвания, как Градозащитница и Полиада, подобно тому, как Зевса называют Защитником города. Ведь оба они являются блюстителями полисов-городов. Вследствие юности, приписываемой ей преданием, она зовется Палладою – Прыгуньей, чему обязаны своим именем и нежные юноши, и молодки наложницы – паллаки. Ведь прыгать и резвиться свойственно молодости. Статуи ее ставят,

---

[18] "Илиада" 2, 24. Пер. Н.И. Гнедича.

главным образом, на акрополях, желая тем самым подчеркнуть неодолимость ее и неприступность, или затем, чтобы с высоты она могла видеть всех, кто стремится к ней с надеждой на защиту, или, наконец, представляя таким образом высоту, на которой находится Афина как часть мироздания. Поэты называют Афину Алалкоменой – Защитницей, а также Агелеидой – Захватывающей добычу, подразумевая, что она отражает врагов и способна оказать помощь и прийти на подмогу, почему к ней также обращаются и как к Нике – Победе. Впрочем, здесь имеется в виду и то, что она водит в бой войска (от глагола "агейн"), и – что неукротима, подобно быкам в стаде, которых, кстати, ей чаще всего и приносят в жертву. Говорят, что она изобрела флейты, как и все прочие искусные и тонкие изделия ремесла. Поэтому она выступает и как покровительница прядения шерсти. А выбросила она флейту потому, что напев, рождаемый этим музыкальным инструментом, изнеживает душу, будучи совсем не воинственным и не подходящим мужественному человеку. Олива же является даром Афине, так как растения эти вечнозеленые и (плоды их) обладают некиим блестящим отливом. К тому же оливковое масло с трудом поддается подделке, но всегда остается несмешанным и в этом смысле может быть соотнесено с девственностью. Ареей, то есть Воинственной, Афина именуется от полководческого искусства и умения направлять военные действия, а также защищать справедливость. Ибо будучи искусной во всяком деле, она представляет собой средоточие всех добродетелей. Ее также называют Конной и Укротительницей лошадей, и Подгоняющей копьем, и еще многими другими именами. Ей воздвигают трофеи из масличного дерева и очень часто дают в спутницы Нику, которая заставляет уступить только превосходящему силой, изображается же крылатой из-за стремительности бросков и легкости перестроений войск. В битве с Гигантами, как гласит предание, Афина проявила исключительную доблесть и поэтому стала называться Гигантоубийцей. Ведь первые, родившиеся из земли, люди, естественно, были дерзки и склонны к насилию по отношению друг к другу, так как были

не в состоянии ни осознать, ни разжечь тлеющую в них искру общественной жизни. Боги же напоминали им о мышлении, словно бы поражая их, и (в конце концов) одержали победу. И поистине, опыт, рожденный разумом, вышел победителем из этой войны и подчинил людей, то есть выбил и уничтожил их в их прежнем состоянии. Ибо они стали другими по превращении, а их потомки уже вместе выстроили себе города, предводительствуемые Палладой Афиной.

Глава 21. А другие боги, обращающиеся к военным делам, уже не стремятся быть столь же уравновешенными и рассудительными, но являются до некоторой степени более склонными к смятению, каковы Арес и Энио. Но и их вывел на сцену Зевс, возбудив друг против друга живые существа, и людям, которым также бывает иногда весьма небесполезно решать определенные вопросы путем применения оружия, дав такую возможность, чтобы они умели ценить в себе благородство и храбрость и радоваться миру друг с другом. По этой самой причине сыном Зевса считается и Арес. Как раз поэтому и Афину называют иногда Дочерью неистового отца. А рассказы об Энио отличаются один от другого тем, что в одних она – мать, в других – дочь, в третьих – кормилица Ареса, и никакой разницы здесь, в сущности, нет. Ибо Энио есть богиня, ниспосылающая на сражающихся воинственный дух и отвагу. Или она названа так по эвфемизму (от прилагательного “энээс” – “ласковый”, “кроткий”), будучи на деле весьма далекой от всякой ласки и милости. Арес же обязан своим именем слову “айрейн” – “хватать” или “анайрейн” – “уничтожать”, или же – “арэ”, что значит – “вред”, или опять-таки – по противоположности, как если бы обращающиеся к нему могли его смягчить. Ведь он сеет смуту и взаимные оскорбления среди согласных между собой людей. Иначе говоря, имя Ареса происходит (по эвфемизму) от “арсай” – “сплотить”, что означает здесь то же, что “привести в согласие, гармонию”, так что, возможно, и Гармония, рожденная им согласно мифу, – одного с ним корня. Уместно называют его и

Кровожадным, и Губителем людей, и Испускающим громогласный вопль, и Рыкающим, поскольку страшен крик войска в сражении. Этим объясняется и то, что кое-где в его честь закалывают ослов, чей рев нестроен и громок. Но чаще всего ему приносят в жертву собак, так как это животное отважно и агрессивно. Более всего Ареса почитают Фракийцы и Скифы и народы, подобные им, у которых в ходу военные упражнения и пренебрежение к справедливости. Говорят, что грифы – его священные птицы, ибо они изобилуют там, где происходят губительные бедствия, вызываемые Аресом.

Глава 22. После этого следует, мой мальчик, сказать о Посейдоне. Мы уже признали, что он тождествен силе, поставленной над жидкой субстанцией, теперь же следует доказать и распространить это. Так вот, поначалу Посейдона прозвали Плодоносным, поскольку очевидно, что причиной рождения из земли плодов является находящаяся в ней влага. Затем его стали называть Встряхивающим почву и Сотрясающим земную поверхность, а также – Колебателем и Потрясателем земли, потому что землетрясения происходят ни по какой иной причине, нежели проникновение в подземные пещеры морских и прочих вод. Ибо воздух, находящийся в этих внутренних полостях земли, стеснившись и стремясь найти путь наружу, вздымает и разрывает ее, иногда – с ужасным, напоминающим мычание ревом и грохотом. Некоторые заслуженно называют Посейдона Ревущим как бык – в шуме моря, действительно, можно услышать похожие голоса, почему оно и зовется ревущим, стонущим и многошумным. Поэтому быки оказались наиболее приличествующими Посейдону, и их приносят ему в жертву, причем обязательно черных, без единого белого пятна, со шкурой цвета моря. Так и воду подчас называют черной. Ведь не зря он зовется Темнокудрым и облачен в одежду темного цвета. В этом заключается также причина того, что боги рек представляются с рогами на голове и с ликами быков, как будто их стремительное течение заключает в себе некую грубую

силу и рев, подобный бычьему. Ведь и Скамандр у Поэта

Взревел, как бык разъяренный[18].

На иной лад Посейдона зовут не только Земледержцем, но и Хранителем фундаментов и повсюду приносят жертвы Посейдону Незыблемому, как богу, который определяет и от которого зависит то, что дома будут незыблемо и прочно стоять на земле. Оружие, которое он носит, – трезубец, либо потому что с помощью трезубца охотятся на рыб, либо оттого, что он может служить и орудием сотрясения земли, в соответствии с чем сказано:

Сам земледержец с трезубцем в руках перед бурной водою
Грозный ходил и все до основ рассыпал по разливу[19].

И некое сходство в скрытом значении своих имен имеют с трезубцем Тритон и Амфитрита, будь то излишне вставленная буква "т" и общее происхождение этих слов от течения, или какая иная причина. Тритон же двуобразен, имея одну половину от человека, другую от кита. Так и упомянутое жидкое начало с одной стороны является силой полезной, с другой – приносящей вред. А широкогрудым Посейдона называют из-за широкого морского простора. В стихах же читаем:

Спина широкая моря[20].

И оттого о нем говорят как о Простирающемся вдаль и Широкомощном. Конником же зовется он, как видно, от быстрого бега по морю, или затем, что кораблями мы пользуемся как лошадьми. Отсюда он уже и Блюститель лошадей, если мы принимаем все, что за этим следует. По упомянутым причинам он именуется также Нимфагетом и Несущим родники. Ведь нимфы – это источники речных вод, названные так за то, что они вечно молоды ("неай"),

[18] Неточно воспроизведенный стих Гомера. "Илиада" 21, 237. Ср. 20, 403.
[19] "Илиада" 12, 27-28. Пер. Н.И. Гнедича.
[20] "Илиада" 2, 159; 8, 511. "Одиссея" 5, 17; 5, 142. Ср. в пер. Н.И. Гнедича: "*По хребтам беспредельного моря*".

или от глагола “файнейн” – “являться”. А невест называют нимфами оттого, что они нынче (то есть перед браком) впервые появляются на людях, в то время как раньше таились. В том же самом смысле и конь Пегас является сыном Посейдона, получив свое имя от “пэгэ” – “источник”. Благодаря рассматриваемой силе моря, все, кто чинит насилие и замышляет великие и ужасные дела, как то: Циклоп, Лестригоны и Алоиды – считаются в мифах потомками Посейдона.

Глава 23. Нерей же есть море, и назван от плавания (“нейстай”) по нему. Его еще зовут Морским старцем – от пены, словно седина покрывающей гребни волн. Нечто подобное являет собой и Белая богиня – Левкотея, дочь Нерея по мифу, которая именно и есть белизна пены морской.

Глава 24. Убедительным представляется, что и Афродита, по преданию, рождена в море именно по той причине, что для появления на свет всего необходимы движение и влага, оба же эти начала в изобилии представлены в морской среде. То же самое имели в виду, говоря о Дионе как о матери Афродиты. Ибо влага имеет свойство переливаться (“диерос”). Афродитой же мы называем силу, сливающую воедино мужское и женское начала. Своим именем она, пожалуй, обязана тому, что семя живых существ напоминает пену (“афродес”), или, как предполагает Еврипид, – что побежденные ей становятся безумными (“афронес”). Она предстает самой прекрасной изо всех (богинь), потому что удовольствие, получаемое от любовной связи, более всего привлекает людей, будучи отличным ото всех прочих. Оттого-то ее прозывают и Вечно улыбающейся. Ведь улыбки и веселье свойственны подобным отношениям. В спутниках у нее и на одних с ней алтарях Хариты, Пейто – Уговор и Гермес, так как она заставляет любящих прибегать к уговорам, произнося речи, полные прелести, или же от наслаждения, присущего соединению. Киферийской она названа от беременности (“киэсис”), имеющей место в результате связи

полов, или оттого, что большинство сокровенных любовных желаний держится в тайне (“кеутейн”). Поэтому и остров Киферы считается священным островом Афродиты, как, наверное, и Кипр, имя которого некоторым образом созвучно слову “сокрытие”. Пафос же – собственное место обитания Афродиты. Богиню называют Пафией, скорее всего, в результате сокращения слова “апафиско”, что значит – “обманывать”. Ведь, если верить Гесиоду, она владеет

улыбками, смехом и ложью[21],

а по Гомеру на устах у нее

льстивые речи, не раз уловлявшие ум и разумных[22].

А ее волшебный пояс кестос – это ремень, красотой блистающий или проколотый сложным узором и разноцветный. Он обладает силой связывать и сжимать. Афродиту называют и Небесной, и Земной, и Морской, оттого что власть ее видна повсюду: на небесах, на земле и на море. Любовные же клятвы, как о них говорили, недействительны и легковесны. Ведь даже если женщина податлива, соблазнители обычно пользуются клятвами, чтобы ее привлечь. Из птиц Афродите любезнее всего голубки, поскольку они весьма чистоплотны, опрятны и к тому же приветливы и ласковы – (часто) они словно бы целуются друг с другом. Свинья, наоборот, отвратительна Афродите своей нечистоплотностью. А среди растений Афродите достался мирт из-за аромата, а также липа – из-за греческого имени “филира”, представляющего некое соответствие глаголу “любить” – “филейн”, и поскольку из липы, как правило, сплетают венки. А самшит (“пиксос”) остерегаются подносить богине, некоторым образом отвергая седалище (“пиге”), как нечто постыдное для нее.

Глава 25. Ничего необычного нет в том, что вместе с такой

---

[21] “Теогония” 205.

[22] “Илиада” 14, 217.

богиней почитается и помогает ей Эрот. В большинстве рассказов он – сын Афродиты. Эрот – дитя; ведь разум влюбленных несовершенен, как у детей, и легко вводится в заблуждение. Его крылья означают, что он делает людей легкомысленными, или – что подобно птице он сразу налетает на наши мысли. Он – лучник, посылающий стрелы, и захваченные им, еще не приближаясь и не осязая прелестей предмета своей страсти, но едва лишь завидев его издали, застывают, словно пораженные стрелой. Ему, воспламеняющему души, дают также в руки факел. Имя Эрот подразумевает, без сомнения, стремление любящих людей друг к другу. Ведь глагол "эрейн" сопоставим со словами, означающими поиск, разведку, как и в стихах:

Стадо коней разыскивал Ифит[23].

Отсюда же, по моему мнению, происходит и слово "эреуна" ("поиски"). Изворотливость влюбленных породила предание о том, что Эротов много и что Афродита ведет целый хор таких спутников. Другое имя Эрота Гимерос – Влечение – происходит от стремления и влечения к наслаждению цветущей юности или же – воспроизводит исступление рассудка, который помрачен желанием. А прозвище Потос – Томленье изображает собой поцелуи, откуда получается и слово "папа". Оно может также означать, что любящие много выведывают о тех, кого они любят, и откуда ("потен") они идут, и где были. А некоторые и весь космос считают Эротом, прекрасным, внушающим любовь, и юным, и древнейшим из всего, что есть на свете. Причем в арсенале его много огня, и движение он делает стремительным, как выпущенная из лука стрела, как полет на быстрых крыльях.

Глава 26. На иных основаниях космосом представляют также Атланта. Ибо космос неутомимо воспроизводит то, что вер-

[23] *Неточная цитата из Гомера: "Илиада" 21, 22.*

шится по его непреложным законам, поддерживая таким образом небосвод. А в качестве мощных столбов у него силы элементов, из которых одни несутся вверх, другие – вниз. Ими же поддерживаются и земля, и небо. Прозвище Атланта – Олоофрон – воплощает опеку всей целокупности мироздания и заботу о безопасности всех его частей. От Атланта произошли Плеяды, и это означает, что он, тождественный Астрею и Тавманту, породил все многочисленные звезды. Ибо Атлант не стоит на месте, находясь в движении, причем, однако, кажется, что он взошел на вершину и покоится незыблемо. Поистине, великое изумление своим устроением вызывает Атлант у тех, кто приближается к нему.

Глава 27. Им (космосом) является и Пан, поскольку он есть то же самое, что "всё" (по-гречески – "пан"). Снизу тело его космато и козлоподобно, имея сходство с землей (густо поросшей лесом), сверху же подобно человеческому, так как в эфире находится господствующая часть космоса, она же – разумное начало. Но похотливым развратником его выводят по множеству причастных ему сперматических первоначал и того, что возникло из них в результате смешения. А что живет он в местах пустынных – так это прежде всего отражает его единичность. Ибо существует только один единородный космос. Пан гоняется за нимфами, потому что ему любезны испарения, проистекающие из земных вод, без которых он не имел бы возможности обрести сущность. А в его плясках и играх следует видеть вечное движение всех элементов мироздания. Он одет в небриду[24] или в шкуру барса, пестрота которой символизирует разноцветные звезды и вообще обилие красок, которое мы в нем, то есть в мире, наблюдаем. Пан – игрок на свирели, возможно потому, что звук на этом музыкальном инструменте извлекается с помощью различных дуновений. Может быть, од-

[24] Небрида – шкура молодого оленя. Это слово ввел в русский язык И.Ф. Анненский. См. напр. его перевод "Вакханок" Еврипида: "*И белорунных кистей больше на пестрой небриде*".

нако, что причина и в своеобразном строе пастушеской свирели – диком и резком, не предназначенном для слуха публики. Пан и живет в горах да в пещерах и любит венки из сосновых веток, ибо сосна – дерево горное и величественное. И еще мы называем паникой внезапное безрассудное смятение. Так бывают охвачены ужасом стада овец и коз, услышав какой-нибудь шум из леса, пещеры или оврага. Прилично ему и покровительство стадным животным, и поэтому, наверное, его изображают с рогами и копытами, хотя это может быть также намеком на его торчащие уши. Пожалуй, тот же космос – это и Приап, с чьей помощью все выходит на свет из тьмы. И в его образ древние с благочестивой силой вложили свое понимание природы миропорядка. В самом деле, величина детородных органов, избыточная у этого бога, выражает сперматическую, производительную мощь, а всяческие фрукты у него за пазухой – изобилие созревших плодов, собираемых в долинах во время урожая. Именно он представлен стражем садов и виноградников, так как во власти родившего сохранить рожденное им – кстати, поэтому и Зевса называют Спасителем. А кроме того, виноградники дают обильные и чистые плоды, тогда как фруктовые сады приносят (всё) пестрое, радостное и облегчающее рождение. Обычная одежда Приапа так же пестра и весела. А в правой руке бог держит серп – быть может потому, что им пользуются для очистки виноградников, или в качестве оружья, необходимого охраннику для собственной безопасности, или как знак того, что та же самая сила, которая выносит совокупную тяжесть сущего, может впоследствии иссечь и уничтожить его. Доброе божество, также отягощенное плодами, – вот еще одна ипостась космоса, или же руководящего начала миропорядка, которое распределяет и раздает подобающее каждому, наделяя всех благосклонно. Этот бог является начальником и хранителем всех домашних дел, ибо сам сохраняя свой дом-мир в образцовом порядке, он и другим пример подает. Волшебный керос – рог Амалфеи – его обычная ноша; там одновременно созревают ("алдескейн") все плоды, которые в соответствующее время произрастают на земле, причем

из этого рога появляется не что-то одно, но рождаются самые разнообразные вещи. Другое объяснение: периодически все сущее разрушается ("амалдинейн") и уничтожается ("кераидзейн") снова. Возможно еще, что этот рог принадлежит Доброму божеству оттого, что оно обращает человека к труду, ибо никакие блага не приходят к ленивым и изнеженным.

Глава 28. Теперь, дитя мое, по порядку следует сказать о Деметре и Гестии. Каждая из них прежде всего не отличается от земли. Гестию древние прозвали так за то, что она прочно среди всего стоит, или оттого, что природой она в самую сердцевину установлена, или – что весь космос на ней стоит, словно на некоем основании. Сущность материнства – в выращивании и вскармливании, и следовательно Деметра есть как бы земля-матерь или матерь Део. Ведь она обильно шлет людям от своих щедрот, наделяет и дарит. Другое объяснение: от нее зависит, набредешь ли ты на что-нибудь ("деейн"), то есть – найдешь то, что ищешь, или нет. Гестию представляют девой, так как ничто не рождается из недвижности – и из-за этого ей в храме служат именно девицы. Деметра же, напротив, является матерью Коры, то есть как бы Пресыщения – это материя, вскармливающая и насыщающая. А вечно горящим огнем наделили Гестию, поскольку она и представляется также присносущим огнем, а возможно – по той причине, что всякий огонь в космосе питается из этого источника и появился благодаря ей, или еще потому, что она – подательница жизни и мать живых существ, жизнь которым дает огонь. Ее скульптурные изображения имеют округлую форму и устанавливаются в центре жилищ. Такова Земля, помещенная в средину и сжатая (в шар), отчего она имеет и другое название – Грунт. Грунт же, возможно, был назван так оттого, что он ограничивает и вмещает в себя все, согласно словам Поэта:

Этот дом вместит нас обоих[25].

[25] "Одиссея" 18, 17.

Миф повествует о Деметре как о возникшей на свет первой и в то же время последней, ибо то, что происходит из земли, возвращается в нее обратно, состоя опять-таки из ее элементов. В соответствии с этим Эллины в своих жертвенных обрядах первой и последней поминали ее. Она увенчана белыми венками, потому что и Земля со всех сторон облекается прозрачнейшей стихией. И Деметре, той, что дарует семена, весьма подобает венок из колосьев, украшающий ее изображения. Ибо из всего, что приносит радость смертным, самым необходимым является выращиваемый человеком хлеб, который, как говорится в мифах, во всех странах посеял Триптолем Элевсинский по указанию Деметры, поднявшей его на колесницу, запряженную крылатыми змеями. Ведь нашелся среди наших пращуров какой-то человек, который не без помощи божества, возвысившего его рассудок, первым подметил и уразумел, как обращаться с ячменем ("критэ"), каким способом его нужно перетирать, веять, подбрасывая в воздух, и отделять от мякины. Поэтому для посева полезен баран ("криос"). Отсюда этот герой получил имя Триптолем – Растерший улос, улос же есть жертвенный ячмень. А Элевсин – место, где были найдены ячменные зерна (и способы обращения с ними). Элевсинской зовется также Деметра, потому что отсюда началось шествие ("элеусис") людей к истинно человеческой жизни. Был также рассказ о том, что Аид похитил дочь Деметры, Кору. Такое предание объясняется случившимся однажды исчезновением на земле семян. Далее здесь повествуется о великой печали и унынии богини, и о том, как она искала дочь по всему мирозданию. Таким же представляется у Египтян разыскиваемый и вновь обретаемый Изидой Осирис, а у Финикийцев – Адонис, каждый раз на шесть месяцев исчезающий под землей, а затем вновь выходящий на свет. И Адонисом именуются здесь все те же плоды Деметры за то, что они приятны ("адейн") людям. Смысл рассказа об убийстве Адониса кабаном, поразившим его своими клыками, кроется в том, что свиньи часто уничтожают посевы, хотя здесь также может содержаться намек на сошник (а он созвучен слову свинья), под зубом которого семя скрывается в земле. И, по мифу, жизнь Адониса устроена

следующим образом: он проводит равное время у Афродиты и у Персефоны. Причина этого уже излагалась нами. А Персефоной дочь Деметры назвали потому, что сельские работы сопряжены с немалым трудом (“понейн”), или потому, что труд порождает стойкость. Но постятся в честь Деметры, принося ей своеобразную жертву воздержанием в течение одного дня от ее даров, чтобы обезопасить себя от нужды, которая наступит, если эта богиня (то есть благоприятная для сева весенняя пора) пришла слишком поздно. Когда приходила пора сеять хлеб, наши предки бросали все свои дела, и поэтому в дни сева справляют теперь веселый праздник Деметры. А с наступлением весны приносят жертвы Деметре-Зеленице, причем все резвятся и радуются, видя, как покрывая природу зеленым покровом, богиня дает им надежду на изобильную жизнь. Наверное, поэтому Деметра и оказалась матерью Плутоса-Богатства. Ведь замечательно сказано:

Хлебные зерна, глупец, – вот лучшее в мире богатство[26].

Жизнь в достатке противоположна жизни впроголодь, и это имеет в виду Гесиод, когда говорит:

Больше трудись, о мой Перс, божественный отпрыск, и вскоре
Глад отвратится, и станешь ты мил пышновласой Деметре[27].

В жертву Деметре приносят беременных свиней, и это весьма прилично, поскольку соответствует плодородию богини земли, легкости появления и созревания ее даров. Ей посвящают мак, что также имеет свое разумное основание: округлые, шарообразные плоды мака сходны с Землей, имеющей сферическую форму, а неровности этих маковых головок как бы передают впадины и возвышенности земной поверхности, полая же их внутренность – пещеры и подземные ходы в земной коре. Мак, как и вся земля, приносит несчетное количество семян. Обилие хлеба привело к тому, что люди оставили прежнюю добывавшуюся с трудом дикую пищу и стали договариваться друг с другом о земельных наделах

[26] Происхождение стиха неясно. Ср. “Теогония” 971.
[27] “Труды и дни” 299.

для пахоты и о распределении урожая. Так Деметру стали справедливо считать основательницей священных законов и установлений. Отсюда ее назвали Дающей уклад, то есть Законодательницей. И совершенно неправы те, кто предполагает будто укладом (на самом деле) назван плод, который-де "откладывается про запас" и "складывается для хранения". А философы устроили для Деметры мистерии, радуясь одновременно изобретению полезных для жизни вещей и народному празднеству, приводя это в качестве доказательства того, что люди перестали сражаться друг с другом за необходимые средства к жизни и стали есть досыта ("мисиан"). Определенно, от этого слова и получили имя мистерии, а также Деметра, называемая некоторыми Мисией. Впрочем, может быть, мистерии происходят от способности измыслить ("мосис"), потребной для восприятия всякой вещи, имеющей в себе нечто ни с чем не сравнимое.

Глава 29. Отсюда же произошел рассказ о том, что Зевс с Фемидой породили Гор, которые распределяют среди нас и охраняют всяческие жизненные блага. Зовут же Гор так: одну – Законность, от законного раздела происходящих вещей, другую – Справедливость, так как она направляет в разные стороны спорящих друг с другом людей, третью же – Мирная, ибо эта Гора заставляет решать спорные вопросы не оружием, а словом. Ведь слово называли "миром". А слово "война" ("полемос") происходит от "убивать много воинов", или от "своими руками ("паламос") стараться превзойти противников".

Глава 30. Пожалуй, весьма правильно и то, что бог Дионис, будучи подателем и блюстителем культурных деревьев, которые (их ветви) используют для установления перемирия, на определенном основании также считался Мирным. Ведь во время войн на вражеской земле вырубают сады и виноградники. Но когда в стране мир, расцветает все, что потребно нам для пиров, где главным продуктом, конечно, является вино. Выходит, что Дионис –

это как бы Дианис, Наполняющий нас прекрасной влагой, или словно Диалис, Распускающий, от какового свойства его прозвали и Отпускающим на волю, и Освободителем, уничтожающим заботы. А некоторые говорят, что первую виноградную лозу явил людям Дий (то есть Зевс) у горы Нисия, и так вошло в обиход имя Дионис. Говорят, что мать Диониса разрешилась им (преждевременно) благодаря огню. Здесь имеется в виду теплое и огневое воздействие Диониса на тела и души – ибо вино, по мнению поэтов, обладает некоей действенной силой, сходной с силой огня. После этого Дионис был доношен Зевсом, зашитый в его бедре – из-за того, что вино выстаивается и созревает – ведь если даже благородные плоды собрать несозревшими, то весь сбор будет непригоден. Ибо вино рождается дважды: первый раз – во время сбора плодов, то есть в разгар летнего зноя, и второй – когда виноград отжимают, давя его ногами, что, должно быть, и подразумевает история рождения из бедра. А еще он зовется Бромием и Бакхом, и Эакхом, и Эвием, и Бабактом, и Иобакхом, так как подобные звуки во множестве испускают те, кто его топчет и выдавливает сок, а затем – и всякий, кто бывает этим соком опьянен. Воплощение игривости и возбуждения от вина являет собой свита Диониса: Сатиры – Хохотуны (именующиеся таким образом от "сайрейн" – "хохотать"), Скирты – Прыгуны, Силены – Насмешники и с ними Севиды, чье имя восходит к глаголу со значением "толкать". По-видимому, все они изображают расслабленность пьющих вино людей, которые становятся неустойчивыми и слабыми как женщины. Так и Диониса изображают женоподобным, но вместе с тем имеющим на голове рога – намек на то, что выпившие вина часто теряют всякое сдерживающее начало, становятся необузданными, пускают в ход силу и вообще бывают неуемными и страстными. Разноцветная одежда Диониса символизирует пестроту урожая плодов, однако большинство статуй изображает его нагим, и эта нагота указывает на свойство вина делать людей искренними, откуда, как нам кажется, и пошло выражение "с вином отыщешь и правду". Наверное поэтому

кое-где существуют и прорицалища Диониса. Опьяненные вином много шумят и кричат, так что весьма уместен сопровождающий этого бога грохот барабанов и бубнов, которые используют в дионисовых празднествах. Во время уборки урожая многие пользуются также флейтами и другими музыкальными инструментами подобного рода. А тирс Диониса напоминает о том, что пьющие слишком много вина с трудом держатся на ногах и их приходится поддерживать. Впрочем, иногда под обвивающими такой тирс листьями бывает скрыто острое лезвие – символ того, что за пьяным весельем может крыться и нечто болезненное: многие бесчинствуют, впадая от вина в исступление, и неслучайно Дионис зовется Помешанным, а женщины его свиты – Менадами, то есть Безумствующими. Скульпторы видят его то юношей, то зрелым мужем, ибо он уместен во всяком возрасте: правда, молодежь чаще употребляет его с буйством, тогда как более старые люди – скорее с приятством. О Сатирах же говорят, что они вступают в связи с нимфами, причем одних соблазняют, другими же овладевают силой, играя с ними. Эти рассказы имеют в виду полезность смешивания вина с водой. Барсы же, везущие колесницу Диониса на себе и сопровождающие его, введены сюда опять-таки из-за пестроты их шкур, то есть по той же причине, что и небриды, в которые одеты и сам бог, и его Вакханки, или же – оттого, что соразмерный хмель укрощает даже самые дикие нравы. А козлов в [illegible]нису приносят за то, что это животное портит виногр[illegible]ок-вы. И когда с козла сдирают шкуру и делают из [illegible]ка, то молодые крестьяне в аттических деревнях [illegible]у и топчут его ногами. Есть и другой повод Дионису [illegible]ой жертве: козел ведь необычайно похотлив. П[illegible]о нередко видеть в его праздничном шествии, [illegible]ы Дионису посвящают, и фаллические процес[illegible] вино побуждает к соитию, и не без причины [illegible] общие жертвоприношения Дионису и Афрод[illegible]

[28] Нартек в культе Диониса Плутарх счит[illegible]

те Диониса изогнутостью своих колен изображает шатания пьяных из стороны в сторону. Ведь ноги с легкостью поднимают их и переносят куда угодно. Некоторые говорят, впрочем, что это растение, как имеющее сочленения, символизирует нечленораздельность пьяной болтовни. Вакханки блуждают по горам, пустынные места милы им оттого, что вино рождается не в многолюдных городах, а в сельских местностях. Дифирамбом же Диониса прозвали или за то, что он открывает двувратные уста наши и заставляет проговариваться о вещах, не подлежащих огласке, или за то, что благодаря ему юноши перебираются через ворота или врываются в них, то есть – вламываются в дома, разбивая засовы. По общему мнению, бог вина может одолеть кого угодно; Дионис – воин, и именно он первый научил справлять триумф в честь военных побед. А триумф или триамб получил имя от "кричать" и "осмеивать ямбами". Поэтому во время триумфов, справляемых над врагами, толпа выкрикивает насмешливые анапесты. Сойку, птицу-болтунью, посвящают Дионису и называют его Бассареем, от базарной болтовни, а еще – Эйрапиотом – Выпускающим вражду. Плющ венчает его главу, ибо это вьющееся растение подобно виноградной лозе, а его кисти – гроздьям винограда. Плющ кроме того имеет свойство расшатывать и валить деревья, взбираясь по ним и тесно сплетаясь с ветвями и стволом. А музыкальными сценическими представлениями Дионис почитается потому, что они уместны во время пиров, как, например, пение или игра на кифаре.

Пиру они украшенье[29].

Миф повествует о нем, что растерзанный Титанами, он снова был сложен и возвращен к жизни Реей. Здесь рассказчики намекают

См. "Застольные беседы" 1, 1. Ср. греческую пословицу: "*Много несущих нартек, но немного ты встретишь вакхантов*". См. также сноску 15 на стр. 39.

[29] "Одиссея" 1, 152. Пер. В.А. Жуковского.

ни то, что крестьяне, будучи (как и Титаны) отпрысками Земли, уничтожают виноградные гроздья и разрывают на части содержащегося в них Диониса, а когда сливают в чаны сладкое молодое вино, части эти как бы вновь соединяются в одном теле. Другой, передаваемый Поэтом, миф о том, что Дионис, скрываясь от козней Ликурга, погрузился в воды моря, и был там спасен Фетидой, также имеет ясное толкование. Ведь виноградные лозы – кормилицы Диониса. Ликург же, собирая виноград, сорвал гроздья и унес их, после чего вино, соединенное с морем, было надежно спрятано. Итак, о Дионисе достаточно.

Глава 31. Геракл представляет собой всеобщее разумное основание, придающее естеству незыблемость и мощь, делающее его непобедимым, обеспечивающее всю природу твердостью, отдельные же части ее наделяющее силой и отвагой. Именем своим Геракл, по всей видимости, обязан тому, что он имеет отношение к героям, способствуя прославлению благородных людей. Ибо древние называли героями мужей могучих телом и величественных духом, и оттого казавшихся причастными божественному роду. И здесь нас не должен смущать рассказ более позднего происхождения. Ведь благодаря своей доблести сын Алкмены и Амфитриона удостоился одного имени с богом, так что относящееся к божеству полностью смешалось с рассказываемым о герое. Пожалуй что и львиная шкура, и палица были перенесены на образ младшего Геракла из древней теологии. Великий полководец, покоривший силой оружья многие земли, этот Геракл, конечно, не мог все время обходиться без одежды и быть вооруженным только дубиной. Но подобными знаками, придававшими сходство с богом, вождя украсили обожествившие его после смерти подданные, благодетелем которых он был. Оба эти предмета являются символами силы и благородства. Ведь лев – самый могучий и отважный из зверей, палица же – наиболее крепкое оружие. А лучником изображают бога Геракла потому, что он настигает повсюду, и еще – из-за того, что полет стрел заключает в себе также некое напряжение. И вполне

разумно поступает полководец, который полагаясь на этот вид оружия ведет войско на вражеские ряды. Разумен рассказ жителей острова Кос о том, что Геракл, имея самый совершенный образ мыслей, стал супругом богини юности Гебы. Так об этом сказано в стихах:

Сильны, усердны юноши делами рук,
Но духом старец их намного превзойдет[30].

Мне представляется, что и служба у Омфалы является весьма правдоподобной и подходящей для Геракла-человека. Здесь опять-таки содержится указание древних на то, что даже сильнейшим приходится подчиняться разуму и делать то, что он велит, хотя бы пророческий голос ("омфэ" – самый подходящий корень для имени "Омфала"), велящий поступать согласно теории и логическому рассмотрению, и имел некоторые женские свойства. А вот двенадцать подвигов можно смело возвести к богу, как сделал и Клеанф. Не стоит, право, злоупотреблять остроумием, видя во всем какой-то хитрый смысл.

Глава 32. Итак, дитя мое, следующими у нас идут Аполлон и Артемида, которые олицетворяют солнце и луну. Ведь как раз поэтому их делают лучниками, подразумевая солнечные и лунные лучи, отбрасываемые ими. Солнце прозвали поэтому Гекатом – Дальним, а луну Гекатой – Дальней, оттого что они издали бросают сюда, на землю, свои лучи, посылая нам свет, так что помимо этого их зовут еще и Дальнометными. Впрочем, некоторые толкуют имена Дальний и Дальняя иначе: дескать, давшие такие прозвания молились, чтобы боги эти держались подальше, и зло, причиняемое ими, не подходило близко. Ибо они, случается, заражают воздух, становясь причиной чумных поветрий. Поэтому в Аполлоне и Артемиде издревле видели виновников внезапных смертей, и Поэт в сцене чумы изображает Ахилла, который ясно говорит, что прорицатель, которого нужно найти,

[30] Возможно, из трагедии Еврипида "Беллерофонт".
[31] "Илиада" 1, 64.

Верно, расскажет, чем страшно разгневали мы Аполлона[31].

И по той же причине, но в эвфемистическом духе истолковывают имена этих богов: Артемида делает людей невредимыми ("артемейс"), то есть – здоровыми, Аполлон же освобождает ("аполюейн") нас от болезней и отгоняет ("апелаунейн") их (или губит). Иными словами, имя этого бога диктует тот же образ мысли, по которому его прозвали Пэаном – Целителем и признали врачевателем. А некоторые здесь же говорят, что Аполлоном его нарекли от глагола "аполлюнай" – "губить". И он, действительно, способствует разрушению данного миропорядка, отовсюду без различия испаряя имеющуюся на земле влагу и присоединяя ее к эфиру. Но может быть он распластывает и распускает плотность первоначальной сущности, разгоняет мрак, и тогда зовется как бы Гаплон? Видом похожих друг на друга, совершающих одинаковое движение, имеющих везде близкую по действию силу и равно кормящих все, что растет на земле, их, как и следовало, представили братом и сестрой. Далее, однако, Аполлон, будучи огнем более жарким и сильным, приобретает в представлении предков мужские черты, тогда как Артемида с ее скорее притупленным и ослабленным действием является в женском обличии. Аполлон – еще не достигший возмужания отрок, возраст, в котором даже люди отличаются замечательной красотой. Ведь солнце, самое юное из богов, прекрасно на вид. Затем его называют Феб – Лучезарный, за чистоту и ясность, используя наряду с этим многие другие эпитеты, как то: Златокудрый и Длинноволосый – из-за того, что он сияет, как золото, и, будучи непорочным, далек от всякого горя. А Делием и Фанеем – Несущим свет его прозвали за то, что через него сущее становится ясным и весь космос освещается. Не случайно воздвигли храм Аполлона Просветляющего, бога, который освещает все на свете. Вследствие этого прояснения Дельфы и Анафа были признаны посвященными Аполлону. Благодаря выявлению всех земных дел, о котором мы только что сказали, ему приписали также искусство прорицания, и когда было

обнаружено прорицалище в Дельфах, Аполлона нарекли еще и Пифием, оттого что люди, приходившие туда, выпытывали о своих делах. Это место было также названо Омфалой – Пупом земли, не потому, что оно-де находится посреди всего мира, но от вещих речений, произносимых там, а они есть глас божественный. А от трудности и замысловатости изрекаемых там оракулов произошло другое имя Аполлона – Локсий. Или же от изгиба, который он делает в своем движении через зодиакальный круг. Он представлен просвещенным в мусических искусствах и кифаредом, так как придает каждой частице мироздания гармоническое единство и созвучие со всеми остальными его частями, причем в сущем на свете не наблюдается ни малейшей несообразности. Аполлон наблюдает за временем, приводя его в ритмическое соответствие и соразмеряя друг с другом его промежутки. Кроме того, он дивным образом приспосабливает для слуха голоса живых существ и различных предметов, которые издают звук, колеблясь под действием воздуха. По этой причине он был также назван Музагетом, считаясь и предводителем Муз, и участником их танцев:

Ведь Аполлон-дальновержец и Музы равно возбуждают
К сладкому пенью царей, и селян на тучной равнине[32].

Так говорит Гесиод. Именно из-за этого Аполлону посвящен лебедь – самая музыкально одаренная и, вместе с тем, самая светлая из птиц. Ворон же, наоборот, скорее враждебен этому богу, ибо он нечистоплотен и черен. Венок же Аполлона сплетен из лавра, растения пышного и вечнозеленого (хотя это слово и созвучно крови). Так уж случилось, что дерево лавр легко воспламеняется и не чуждо очищению, вследствие чего оно весьма уместно посвящено богу самому пламенному и самому чистому. Есть также другая возможность, а именно: что имя этого дерева, близкое по звучанию глаголу "раскрывать", сделало его причастным прорицанию. А священный треножник дан Аполлону из-за совершенства числа три.

---

[32] Искаженный стих Гесиода: "Теогония" 94.

Ище это может объясняться тремя параллельными кругами на небе, из которых один солнце своим годичным оборотом прорезает, а двух других касается. А поскольку во время морового поветрия он, конечно, первым приносит вред ("пэмайнейн") земным тварям и способствует их гибели от мора, Аполлону вручили заботу о стадах ("поймниа"), нарекая его Пастушеским, Волчьим и Убивающим волков. Надлежащим образом он назван и Покровителем улиц, так как на улицах были поставлены его статуи. Ведь он освещает улицы и, восходя на небо, наполняет их светом. Вот как сказал Поэт, имея в виду обратную ситуацию:

Скрылось закатное солнце, и сумерки стогны покрыли[33].

Помимо всего этого, Аполлон получил и другое имя: Лесхенорий – Покровительствующий собраниям мужей. Так и есть: днем люди оставляют дома и собираются вместе, общаясь друг с другом, ночью же отдыхают каждый у себя. Ну а Пэаном-Врачевателем его назвали или по противоположности, чтобы умилостивить его, прося не посылать на землю болезни и не заражать воздух, которым мы дышим, или оттого, что он же, в сущности, является причиной здорового состояния наших тел, делая климат умеренным.

Глава 33. Следовательно, и Асклепий, который, как будто, первым научил людей искусству врачевания, опять-таки должен был стать его сыном. Ибо и здесь следовало ввести некое божественное руководство. Имя же Асклепий происходит от облегчающего лечения и обращения вспять ведущего к смерти иссушения. Поэтому возле него мы видим змею, и под этим наши предки подразумевали, что выздоравливающие под руками врача испытывают нечто подобное сбрасывающей кожу змее, ибо они как бы омолаживаются, крепнут после болезни, совлекая с себя старость. Но вместе с тем змея – символ недюжинной внимательности, необходимой при лечении. Кажется, что и посох Асклепия означает

[33] "Одиссея" 2, 388.

то же самое. Он знаменует собой, что если бы мы не опирались на знания, достаточные для того, чтобы совершенно победить болезнь, и не исполняли бы должные предписания, то, ослабленные недугом, мы бы и померли раньше, чем следует. Рассказывают, что Асклепия воспитал кентавр Хирон, изощрив его в целительном искусстве, и здесь хотят показать действенность этой науки в умелых руках ("хейр") лекаря. А жена этого бога, по преданию, зовется Эпиона – Успокаивающая, имя, которое появляется в мифе неспроста, но, очевидным образом, подразумевает облегчение страдания смягчающим лекарством.

Глава 34. Артемиду же прозвали Светоносной, поскольку и она отбрасывает на землю свое сияние и в какой-то мере освещает окружающий мир, особенно во время полнолуния. Другое прозванье – Диктинна – от сияющих нитей, которые она раскидывает, то есть бросает – ведь "дикейн" значит "бросать", или оттого, что ее сила распространяется ("диикнеомай") на все, что есть на свете, и тогда она – как бы Диикинна. А Охотницей и Убивающей зверя, и Стреляющей в оленей, и Несущейся по горам ее изображали в мифах, наверное, желая направить на диких зверей причиняемый ею вред. Этими названиями она также может быть обязана тому, что чаще всего показывается ночью, когда повсюду царит великое спокойствие и тишина, как в лесах и в пустынных горах, так что кажется, что Артемида должна блуждать как раз по таким местам. А уже помимо этого она, несущая лук за плечами, становится и Охотницей. В согласии с этим ее священными животными стали собаки, которые, соответственно, самой природой предназначены для охоты на диких зверей, собаки, которые не спят по ночам и лают. Охоту напоминает и ее постоянная погоня за солнцем, когда она то нагоняет его, то сама от него убегает, и в своем движении через зодиак встречает там разных небесных зверей, быстро настигая их. Ведь быстрота также свойственна охоте. Говорили, что Артемида ближе всех небожителей подступает к земле, проносясь над горными вершинами. Богиня Геката, ипостась Артемиды,

водится триликой, оттого что народившаяся и совершающая путь по небу луна имеет три основных обличья, становясь серповидной, полной, и принимая еще одну форму, которая, как говорят, дополняет до круга молодой месяц, сама нуждаясь в дополнении им. Отсюда берется и название Тридорожная, и роль покровительницы перекрестков. Ибо богиня эта трижды меняется, проходя мимо зодиакальных зверей. В то время как солнце появляется на небе только днем, она светит, меняя свой вид, среди ночного мрака, справедливо названная Полночной странницей и Подземной богиней. Так ее начали почитать вместе с подземными божествами, поднося ей священную пищу. Кроме того выдумывают, будто эта богиня оскверняет землю, как мертвецы, и содействует колдуньям, и наводит их на жилища, и, в конце концов, – чуть ли не радуется горестям и убийству, так что некоторые даже желали умилостивить богиню чудовищными жертвами, убивая людей на ее алтаре. Артемиде посвятили рыбу триглу за ее имя. А Придорожной она стала по той же самой причине, что и Аполлон – Покровителем улиц. Большинство отождествляет с ней Илитию, беспрестанно вращающуюся и бегающую вокруг земли, которую роженицы умоляют о том, чтобы она пришла и успокоила их муки, благополучно избавив от бремени, она, которая с легкостью освобождает стесненное чрево и заставляет плод без труда выйти наружу. За это ее и называют Освободительницей. А много Илитий выдумывают на том же основании, что и много Эротов. Ведь желания рожающих женщин (в отношении их детей) столь же разнообразны, как и желания влюбленных. И очевидно, что луна помогает семени созревать во чреве, что именно она растит плод и дает носящим разрешиться тогда, когда он созреет. Нет ничего удивительного в том, что в одном изображении она предстала девой, столь же незапятнанной и чистой, как и ее брат – солнце, в другом – помощницей рожениц, ибо от нее зависит, будут ли легкими роды, и, наконец, в третьем – несущей в себе нечто ужасное и тяжкое, как в тех домыслах о Гекате, которые мы описали.

Глава 35. Последним же выступает воздух, принимающий в себя души, тот, кого, как я сказал, нарекли Аидом от “невидного”. И поскольку не видно нам то, что под землей, все стали говорить, что туда отправляются покидающие этот мир.

Аид зовется Славным, являясь причиной славы. Ведь голос есть сотрясенный воздух. Люди, приходящие в отчаяние от тяжкого труда, прозвали Аида Рассудительным и Дающим благие советы. Ибо он замышляет благодетельные для них вещи, освобождая от трудов и тревог. Другие его эпитеты: Обильноприимный, Вмещающий многих, Многими правящий, так как он действительно забирает себе многих и управляет, как говорят, даже большинством людей. Поэт назвал его Запирающим врата, ибо створки ворот Аида тщательно пригнаны друг к другу, и он не выпускает никого. Харон же назван, пожалуй, по противоположности от “хара” – “радость”. Он может также происходить от “хорейн” – “уходить” или “хандано” – “я охватываю”, или от “кехекенай” – “разверзнуться”. А Ахерон и Ахеронское болото, наверное, получили имя от горя (“ахос”) и плача по умершим. Ясно и то, откуда взялись имена Коцит и Пирифлегетон (последний – Сгорающий в огне), – ведь Эллины сжигают своих покойников, поднимая при этом опять-таки вопль (“кокитос”). Поэтому их еще называют демонами, производя от “кайейн” – ”жечь”. А Авернское озеро, видимо, обязано своим именем скорее естественнонаучным причинам, будучи образованным от аэр-воздух. Кстати, древние словом “аэр” иногда обозначали мрак и мглу, если только, клянусь Зевсом, они не использовали здесь в противоположном смысле ясность и сверкание воздуха, как и тех кинжальчиков, которыми, по преданию, увенчан Аид. Венчают его и адиантом[34], напоминая о том, что покойники высыхают (“ауайнейн”) и, будучи уже не в силах удержать в себе жидкость, теряют вместе со способностью дышать все жизненные соки. Следует предположить, что отсюда пошли и иссохшие мертвецы-алибанты, поселенные в Аиде из-за непричастности умерших ни к какой влаге (“либас”). Нарцисс тоже пришелся к месту среди умерших, и рассказывают, что венки из него носят

Эринии. "Наркэ" – "паралич", близкий по звучанию слову "нарцисс", послужил основанием для этих рассказов, как и то, что умирающие словно бы цепенеют.

Так, мой мальчик, ты, пожалуй, сможешь возвести к указанным первоначалам и прочие рассказы о богах, кажущиеся подчас вымыслом, если убедишься предварительно, что древние не только не были простецами, но оказались способными познавать естество мироздания и притом весьма склонными излагать свои мысли о нем, используя иносказания и символы. Другие философы более подробно и обстоятельно написали об этих вещах до меня, мной же нынче двигало стремление поведать тебе о них кратко. Ибо владение даже таким скромным знанием принесет немалую пользу. Вообще же об этих вещах и о служении богам, об уместности их почитания и об установлениях предков пусть в заключительном слове будет сказано только то, что всё это призывает юношей к благочестию, а не к суеверию, и учит необходимости приносить жертвы и молиться, благоговейно преклоняться перед божеством и давать торжественные клятвы, как этого требует обычай, в должной мере и при сообразных обстоятельствах.

[34] Адиант – вечнозеленое растение. Комментатор Гомера
век) производит слово "адиант" от Зевса и глагола
"увлажнять", "быть влажным".

Луций Анней Корнут

Греческое богословие

ЛР № 06442 от 29 января 1996 г.
Подписано в печать 12 ноября 1998 г.

Формат 60×90 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура Таймс.
Усл.-печ. л. 4,25. Тираж 300 экз.

Издательство «Формика»
Санкт-Петебург